Лайки вместо цветов

Автор:
Дарья Сойфер

Лайки вместо цветов

Дарья Владиславовна Сойфер

Романтические комедии

Что случится, если серьезная журналистка перейдет дорогу крупному бизнесмену? Деньги победят. Но только в первом раунде. Ведь Лера не из тех, кого может сломить увольнение. Настоящий талант найдет применение даже в женском журнале. И рядовые статьи про знакомства в интернете Лера превратит в самый настоящий эксперимент. Приложение для быстрых свиданий приведет ее к… К кому бы вы думали? Правильно. К главному врагу. И уж тут пощады не будет.

Дарья Сойфер

Лайки вместо цветов

Глава 1

Нет лайков в своём отечестве

– Эй, ты! Стоять! Убрать камеру!

Из темноты вынырнул луч слепящего света.

– Ты снял? Успел?! – Адреналин змеиным ядом растёкся по крови, прибавляя скорости.

– Да погоди же! Тяжело! Валера, мать твою!

Оператор пыхтел за спиной, отдувался, бежал, насколько ему позволяли камера и багаж прожитых лет (килограммов эдак пятнадцать). Хорошо бы помочь, но камеру он всё равно никому не доверит. А нечего было задвигать в дальний ящик корпоративную фитнес-карту! Вот они, все пропущенные тренировки…

– Я тебя запомнил! – басил где-то позади охранник. – Вас! Обоих!

К счастью, он о здоровом образе жизни слышал чуть меньше, чем оператор Дима, и быстро отстал. Так, погнался для видимости, полаял, как старый беззубый алабай. А собаки уже завелись, хоть какая-то движуха в приютской рутине. Громкое перебрёхивание, вой, скулёж… Кто на что горазд, словом. Хорошо бы и это снять, но, если сейчас попросить Диму включить камеру, убьёт штативом.

Ещё метров сто – и вот он, родной потрепанный фургончик телеканала. Жизнь журналиста, конечно, не всегда состоит из погонь и приключений, но вот в такие моменты… Как-то сразу понимаешь, ради чего всё. Вдруг этот сюжет поможет собачьему приюту? Вдруг сохранит особнячок?.. Ну и приятно, в конце концов, плюхнуться в кресло напротив редактора передачи и с торжествующим видом объявить:

– Ну, Пал Палыч, лови сенсацию.

Пал Палыча словом «сенсация» не удивить. Каждый репортёр средней руки, снявший, как депутат высморкался в неположенном месте, уверен, что порвёт эфир. Так ведь и Валера на канале не первый год. И уж пора бы привыкнуть, что её сенсация – всем сенсациям сенсация.

Вообще-то её звали Валерия. По задумке матери. Но как-то уж повелось: сначала парни во дворе, а потом и сам папа стали звать Валерой, и на канале прижилось. А как ещё называть человека в берцах, бесформенных армейских штанах с кучей карманов и линялой серой футболке? Пал Палыч как-то заикнулся о дресс-коде, тогда Валера завела дежурный пиджак и галстук. Правда, надевала их поверх

футболки, и выглядело всё это как здоровенный плевок в любимую кружку начальника. Единственное, что в Лере Гинзбург осталось от её пола, был сноп каштановых кудрей.

– Не ценишь ты, что тебе Бог дал… – завистливо вздыхала секретарша Оленька, печально гладя собственную мышиную косичку.

На что Валера обычно отмахивалась, фыркала и угрожала, что сбреет эту порнографию к едрене фене.

Неизвестно, есть ли у волос чувства, но со временем даже кудри перестали работать на Лерино обаяние, и подвыпивший осветитель крикнул ей в спину: «Эй, курчавый!»

Пал Палыч Минаев откинулся, пожевал кончик юбилейного «Паркера», бисеринки пота над верхней губой заискрились в свете рабочей лампы.

– И чего мне это будет стоить?

Трусливая административная морда! Конечно, ему в первую очередь интересно, не что за сюжет, а кто и сколько раз подаст на канал в суд. Вот не место таким слабакам в журналистике.

– Ну, формально Соломатину предъявить нечего. – Лера закинула ногу на ногу. – Мы с Димой отработали чисто, на территорию не лезли, просто сняли снаружи строительную технику, допросили рабочих, владельцев приюта…

– Стоп-стоп-стоп! – замотал головой Минаев. – Соломатину? Тому самому? Матвею? Который «Соло Инвест»?

– Йеп, – кивнула Лера. – Зазнавшийся засранец собственной персоной.

– Я как-то пропустил момент, когда он стал главзлодеем? – устало поморщился Пал Палыч. – Оторвал зайке лапку?

– Ха-ха… – Лера скривилась.

Стоило ей вступить в условные ряды зоозащитников, сняв первый обличительный сюжет про контактный зоопарк, как главным развлечением её коллег стали шутки на тему Лериной сердобольности. То начинали нарочито садистски терзать стейк, хотя веганом Валера никогда не была, то кидали ей на рабочий стол открытки с котятами. Суровый юмор людей, у которых нет ничего святого.

– Почти, – она кивнула в сторону шефского компьютера. – Вы бы хоть ознакомились… Ладно, вкратце. В Подмосковье есть имение конца девятнадцатого века. Маленькое, но какая-никакая историческая ценность. Одни дубы и лиственницы чего стоят! В советские годы там был санаторий для работников почты, потом всё это стало медленно разоряться и осыпаться… Короче, сейчас участок арендует приют для собак.

– Всё сошлось, – вздохнул Пал Палыч.

– В смысле?!

– Историческая ценность, деревья, собаки. Святая земля, да?

– Можете ёрничать сколько угодно, но Соломатин выкупил эту землю. Как? Большой вопрос, потому что особняк признан памятником архитектуры. Владельцы приюта получили уведомление о выселении. Знаете, что это значит? Если они не найдут новое место, собак усыпят. Больше ста собак! А где им найти новое место?

– Слезоточиво, – кивнул редактор. – Дальше.

– А вчера Соломатин подогнал туда строительную технику. Эту, как её. – Валера изобразила руками большой качающийся шар.

– Шар-бабу? – Пал Палыч хихикнул.

– Вот именно! А теперь представьте: чиновники, которые разбазаривают культурное наследие. Бизнесмен, чья смазливая рожа разве что на обложке «Форбс» не маячила. Прогрессивный весь такой, лобзает мэрские ручки.

– Мерзкие?

– Мэрские. Мэра, в смысле. Где он там учился? Йель? Принстон? А ведёт себя как воротила из девяностых. Копнуть бы поглубже, и наверняка выяснится, что он построит там торговый центр или завод.

– И непременно с вредными выбросами?

– Это что, смешно, по-вашему? – Лера упрямо сдвинула брови.

– Хочешь, чтобы я пустил это в эфир?

– Без вариантов.

Пал Палыч сдался. Разумеется, чутьё матёрого телевизионщика его не подвело, через неделю на редакцию программы «Гражданское слово» обрушилась артиллерия «Соло Инвест».

Лера подозревала, что Соломатин не так прост и молча отсиживаться не станет. Людям без связей нечего делать в бизнесе. Уж если он нашёл способ продавить или подкупить чиновника ради земли с особнячком, то припугнуть телеканал юридической дребеденью и политиками – как два пальца. Первый раз, что ли? Не ожидала Лера одного: реакции шефа.

Минаев был человеком вредным, занудным и до жути любил чеснок. То есть иметь с ним дело было непросто по разным причинам. Но за своих сотрудников всегда стоял горой, иначе передача, известная своими скандальными расследованиями, не продержалась бы столько лет в эфире. А тут не прошло и суток после эфира с Лериным сюжетом, как Пал Палыч вызвал её к себе скорбным тоном.

– Скажи спасибо папе, – выдал он, печально раскачиваясь в кресле.

– В смысле?

– За фамилию… Я им тебя не сдал, они с чего-то решили, что автор сюжета – Валера Гинзбург.

– А я кто?

– Парень, – терпеливо пояснил Минаев. – Но крови они хотят.

– Да мало ли чего? – фыркнула Лера. – Похотят и перестанут. Сейчас против них поднимутся соц- сети, вчера создали петицию… Не до нас. Слушайте, а можно я сегодня пораньше? Встреча однокурсников, все дела… Завтра, конечно, придёт бодун, но у меня такая затравка для следующего сюжета…

– Насчёт этого можешь не волноваться.

И Лера бы не волновалась, если б не траурный вид начальства. Пал Палыча таким бледным и безрадостным она видела только дважды: на похоронах Зыкиной и в день, когда закрыли чебуречную в соседнем здании, заменив её крафтовым фитнес-баром.

– Что вы натворили?! – в лоб спросила Лера.

Никто другой не позволил бы себе сказать Минаеву нечто подобное, но она справедливо считала себя его любимицей. Пал Палыч вздохнул, глубоко, как для флюорографии, и качнул головой.

– Понимаешь, звонил Он. Сам. – Начальственный взгляд стрельнул к потолку. С таким видом обычно говорят о Боге или президенте, но для Пал Палыча авторитет в жизни был только один: владелец канала. И если до него добрались доберманы Соломатина… Дело плохо.

Лера сглотнула, предчувствуя страшное.

– Только не говорите, что…

Но Пал Палыч уже кивнул.

– Валер, ты пойми, – почти умоляюще начал он. – Я ведь говорил, что ты из лучших побуждений… И всё легально… Никаких судов… Но он… Понимаешь, они сказали так: или мы убираем Гинзбурга, или… Короче, Лер…

– И с чего бы у нас Соломатин стал главзлодеем… – передразнила она с горьким сарказмом.

– Да! – Пал Палыч в отчаянии хлопнул по столу и сделал то, чего не делал уже давно: вскочил с кресла. – Но что я мог сделать? Лер, вот что ты от меня хочешь?

Назвал Лерой вместо Валеры? Точно. Начало конца.

– Конечно, я вступился. Попросил, чтобы не по статье. Тихо, по собственному. Выплату – всё чин чинарём! Позвоню Берковскому, он мне должен. Из «Комсомольца». Найдут тёплое местечко в газете, отсидишься, а потом…

– Может, сразу уж в «Мурзилку»? Или не в «Комсо…», а в «Космо…»? Писать про то, как испытать семь фееричных оргазмов за пять минут и сколько кило помады нужно, чтобы выглядеть как дорогая шлю…

– Валер, да ладно тебе! Главное, не уходить из профессии…

– С ТВ в газетку? Сильно, Пал Палыч, сильно!

– А хочешь, я позвоню на восьмой канал? Племянница моего профессора там…

– И делать сюжеты про вселенский заговор и рептилоидов? Фак… – Лера запустила в волосы пятерню, борясь с желанием удушить предателя.

Обидно? Да. По шкале от нуля до десяти? Девяносто. Вся жизнь вдруг показалась Лере глупой насмешкой. Она была из тех, кто идёт в профессию не потому, что нужно получить образование, а потом получать стабильную денежку на борщ и сосиски. Чтобы купить в кредит стенку, телевизор и «Ладу» последней модели. Гналась за светлыми идеалами. Есть вот врачи, которые хотят спасать людей, юристы, которые верят в справедливость. И журналисты, которые мечтают говорить правду и менять мир. Наивные.

А кем ещё ты можешь быть, когда твой отец – политолог? И с детства на пальцах объясняет, как должно быть и как не должно, и учит тебя не молчать. Если ты в десять лет в курсе всех тонкостей Уотергейта, а вместо пазлов раскладываешь партии на политической карте мира? Если у тебя самый

образцовый двор, потому что отцу не лень достучаться до Гааги по поводу ям на асфальте и жуликов в управляющей компании?

Леру растили, чтобы она стала голосом – и вот не прошло и первой пятилетки, а какой-то самолюбивый гад втыкает ей кляп. За что боролась, на то и написала по собственному. И Соломатин даже не стал уточнять, кто такой или кто такая Валера Гинзбург. Один звонок – и вот Пал Палыч кочевряжится от неудобства и жалости, но увольняет её. И когда? В день встречи выпускников журфака. Лера – главный ботан и правдоруб курса. Даже те профессора, что спорили с ней до хрипоты, прочили девчонке Гинзбург большое будущее.

– Вы всё равно расползётесь по декретам, – презрительно бросал женской половине курса старый профессор Воропаев, замшелый шовинист. – Максимум будете писать рецепты и гороскопы. Толк выйдет разве что из них, – кивал он на парней. – Или ещё из Гинзбург.

С одной стороны, Лера, конечно, злилась на Воропаева, как всякий уважающий себя борец за права женщин. С другой – в глубине души признавала: декрет ей не светит. Как-то не стояла под окном очередь из поклонников. Да и размениваться на рыцарей пива и тестостерона, когда весь мир распахивает двери, не хотелось. Училась, забывая есть и спать, и только мама периодически выуживала из кучи мятого белья футболку недельной давности и, качая головой, загружала стирку.

С тех пор мало что изменилось. Разве вот зарплата позволила снять квартиру да учебники уступили место полевой работе. Однокурсницы на ежегодных встречах косились всё с той же завистью и всё так же боялись упомянуть собственную работу в каком-нибудь пошлом глянце. Никто уже не спрашивал у Леры, как дела: рисковали напороться на часовую лекцию о том, что мясоперерабатывающие компании вступили в монопольный сговор, а косметика, которую тестировали на животных и запретили на прогрессивном Западе, валом хлынула на наш рынок.

– А вы знаете, сколько особей получило рак кожи от суперматовой помады? – восклицала Лера после второй пинты пива. – Господи, да ешьте меньше жирного, и ничего не будет блестеть!

Настя Тихонова из колонки красоты только отводила взгляд и вздыхала.

Теперь же великая и ужасная Валерия Гинзбург должна была лететь на встречу выпускников прямо из-под шефского пенделя. Врать Лера не любила и не умела, поэтому готова была принять ледяной душ товарищеского злорадства.

Она перестраивалась из ряда в ряд, сжимая руль и терзая сцепление старенькой «Хонды», мысленно репетировала диалоги. Что-то вроде: «Привет! Что? Родила второго? А у тебя свои стажёры? Здорово! А я вот подыскиваю ближайший центр занятости населения. Кстати, Кать, а у твоего благоверного нет, случайно, вакансии мерчандайзера?»

Иногда проскакивала мысль, не послать ли всё куда подальше, забуриться в маленький тёмный паб и не напиться ли до такой степени, чтобы даже бармену захотелось сменить работу. Но Лера не выносила слабость. И прежде всего – в себе самой. Уволили? Имей совесть в этом признаться. Как в детстве. Пока одноклассники Леры жгли дневники за школой, гордая Гинзбург шла к матери и с вызовом сообщала: «Да. Двойка». И у мамы хватало сил только на: «Ладно, исправишь…»

Паркуясь у ресторана, Лера решила с этой самой минуты вести себя скромнее. Как бы она ни презирала гламурные журнальчики, у Насти Тихоновой и остальных работа была. А у неё, несгибаемой Леры Гинзбург, не было. Значит, заслужила.

Поскольку Пал Палыч отбил всё желание хоть как-то прихорашиваться, Лера извлекла из багажника единственный свой комплект для парада: пиджак и галстук. Все скромные рабочие пожитки теперь уныло валялись в коробке: ручки, блокноты, стыренный не столько ради наживы, сколько из мести телеканалу степлер и кактус по кличке Кот. Старая шутка оператора Димы: каждой одинокой женщине нужен кот, но четвероногого Лере дарить опасно. Загубит животину. Сама-то ест через день.

– Потерпи, Кошак, – сочувственно сказала Лера кактусу. – Скоро будем видеться чаще.

И, от души хлопнув багажником и закатав рукава пиджака, решительно направилась в общепит.

Глава 2

Отведай-ка лайка богатырского!

– Ещё вот так повернитесь… Чуть боком… Ага, супер! Улыбнитесь… Руку на пуговицу…

Щелчок затвора, ещё один.

– Может, хватит? – Матвей подавил зевок.

– Шутите?! Только дело пошло! Нет-нет, плечи не расслабляйте! Хотите, добавим сет в неформальной обстановке? Футболка, майка… Стальные, так сказать, мышцы отечественного бизне… Оп! Вообще супер!

Костик наблюдал за происходящим с явным удовольствием. Снимал, придурок, исподтишка на телефон.

– Позируй, детка, не расслабляйся, – подогревал он Матвея.

И как у человека рожа не треснет так лыбиться?

– Всё, достаточно, – к вящему огорчению фотографа, процедил Матвей. – Счёт кинете моей секретарше.

– Ты убил всё веселье! – Костик сделал обиженную мину, когда дверь фотостудии захлопнулась за ними с Матвеем. – Ещё чуть-чуть, и он бы тебя снял во всех смыслах.

– Шёл бы ты…

– Ну Моть… Ну покажи стальные мышцы отечественного бизне…

Матвей обернулся резко и даже слегка испугал приятеля.

– Ещё раз назовешь меня так, Власов, я лично сниму с тебя штаны в этой студии, нагну, оставлю с этим фоторасом и выложу на ютьюб.

– Да ладно, Мэт. Где твоя хвалёная принстонская толерантность?

– Забей… – Матвей тряхнул головой, сбрасывая непрошеную злость, и вдавил кнопку лифта.

– Проблемы? – сочувственно спросил Костик, глядя Матвею куда-то между лопаток.

Власов обладал феноменальным даром доводить людей до белого каления. Пожалуй, стоило бы борцов без правил перед боем оставлять с Костиком один на один в закрытой комнате. Зрелищность скакнула бы в разы. Иногда Матвей и сам не понимал, зачем дружит с этим шустрым коротышкой, для которого в жизни есть только одно занятие: розыгрыши. Костик был из тех, кому просто Боженькой положено говорить за кадром: «Вас снимала скрытая камера!» Или выскакивать из-за грузовика с воплями: «Тебя прокачали, чувак!» Каким чудом родители устроили Костика в Принстон, осталось загадкой даже для самого Костика. Двух русских поселили на юге кампуса, в Батлер-Колледже, рядышком. А когда ты далеко в чужой стране, среди людей с другим менталитетом, иногда страшно хочется поговорить с человеком, который знает, что такое селёдка под шубой и подпоёт «Батарейку» на очередной попойке.

Студенческое братство «Омега-Каппа» – штука, которая по крепости уз приближена к службе в одном взводе. Костик даже называл выпускной альбом дембельским, и вряд ли сильно преувеличивал. Невозможно откреститься от дружбы с чуваком, который когда-то прикрывал тебя перед дежурным по кампусу, свято блюл правило носка на дверной ручке и держал твои длинные волосы, которые с какого-то перепугу казались тебе жутко модными, над бездонным фаянсовым свидетелем твоих грехопадений.

И поэтому, когда Власов таки вернулся в Москву, потому что в Штатах не было вакансий для приколиста такого уровня, Матвей Соломатин, разумеется, принял товарища в «Соло Инвест». Утешал себя мыслью, что конченый идиот не продержался бы четыре года в «тиграх»[1 - Тигр – символ спортивных команд Пристонского университета (прим. авт.).]. Правда, сомнения иногда всё-таки закрадывались. Но уж в чём Матвей был уверен на все сто двадцать, так это в

верности Костика. Власов мог одной левой опозорить друга на какой-нибудь тусовке, раскидать по общим знакомым скабрёзное видео с участием Матвея, но по части серьёзных вещей он умел держать рот на замке. И вовремя отключал режим «хей, бро», чтобы поддержать.

– Телевизионщики. – Матвей шагнул в хромированную кабину и отступил, пропуская Костика. – Суки…

– По поводу?

– Захарьево.

– Суки… – смачно подтвердил Власов. – Шантажируют или уже выпустили?

– Вчера был эфир. Звонила Элла…

– Да пох… Старая паникёрша. Дай угадаю: сто двадцать третий кабельный канал, беседы о благолепии с архимандритом?..

– Первый.

– Ох ты ж фак ми…

– Типа того. – Матвей сунул руки в карманы.

Костик пожевал нижнюю губу.

– Да не… – с вялым сомнением протянул он. – Они бы не стали клеветать уж прям так нагло.

– Элла говорит, они не наврали. Вывернули просто всё наизнанку, грёбаные журналюги. Выставили меня… Им же нужен козёл, чтобы отвлечь публику от пенсионной реформы!

Лифт мелодично звякнул и выпустил Матвея с Костиком на парковку. Соломатин нажал кнопку на пульте, услышал знакомое пиликанье и ласковое урчание своей

детки. Любил, чтобы она была готова к его приходу.

Власов по-свойски плюхнулся на пассажирское сиденье, качнул пальцем чёрно-оранжевую принстонскую нашивку над панелью. Единственное украшение в салоне «Порше».

– Постой! – вдруг спохватился Костик. – А почему «Элла говорит»? Ты что, сам не видел сюжет?

– Не успел. Она с утра скинула, но эта фотосессия…

– Может, глянем?

Матвей пожал плечами, вытащил смартфон. Пролистал последние тридцать два гневных сообщения Эллы, в которых она расписывала, как именно стоит расчленить ТВ-тварей. Когда-то Соломатин думал, что сделать главой PR-отдела акулу с клыками в три ряда – хорошая идея. Успел ли пожалеть? Не то слово.

Он уже нажал треугольник в центре экрана, но через пару секунд заставки изображение сменилось снимком аппетитной блондинки. «Ритусик» – гласила мерцающая надпись. Лицо Матвея исказилось гримасой «столовая ложка рыбьего жира», палец машинально скользнул по стеклу влево.

– Да ладно?! – выдохнул Костик. – Уже?!

– Бесит. Идиотка восьмидесятого уровня.

– Ага, а под одеялом вы тесты на IQ проходите?

– Она бы один фиг завалила ещё до первого вопроса.

– Зажрался ты, Соломатин. – Власов осуждающе закачал головой. – Мой дед заставлял тарелку хлебом промокать, а ты полкурицы в мусор. Не годидзе.

– Во-первых, её до меня кусало в общей сложности население целого Лихтенштейна. Во-вторых, ГМО как-то уже не в тренде…

– ГМО, не ГМО… Но такие ведь сисяндры… – начал Костик, потом осёкся и покосился на друга. – Я рано? Или уже можно?

– Да пофиг. Валяй.

– Такие сисяндры! – Власов красноречиво иллюстрировал слова жестами. – Нет, зажрался ты… Ладно, теперь уж как-то не кошерно. Кодекс братана, все дела…

– Забирай, – раздражённо выдохнул Матвей.

– Правда? – Лицо Костика прояснилось. – Ну, я пару недель выжду, чтобы не так уж… Ладно. Давай видео, и будем искать киллера на этих гадов.

– Не смешно. – Матвей снова запустил сюжет.

На экране возникло изображение Захарьево. Особнячок во всей своей увядающей прелести, с отколотыми колоннами и причудливым рисунком трещин на жёлтой штукатурке. Ни дать ни взять реки на контурных картах. Садись и пиши маслом. Умеют эти журнашлюшки найти правильный ракурс.

– Особняк в Захарьево ещё недавно считался объектом культурного наследия, – вещал голос за кадром. – Вековые дубы, посаженные ещё первыми владельцами, архитектура, не тронутая временем. Здание пустует с советских времён, денег на реконструкцию у властей нет, на территории расположился приют бездомных собак «Протяни лапу». Светлана, один из основателей, вспоминает, как планировала выкупить землю.

Трогательная картинка сменилась не менее душещипательной: обшарпанные вольеры из посеревших досок, ржавая рабица и влажные собачьи носы. И эта полоумная, чтоб её… Светлана Ляпишева. Безумный взгляд, волосы клоками, свекольная сетка капилляров на щеках. Из тех, что верит в высшее призвание и не тратит драгоценное время на бесполезные вещи вроде мытья и стирки. Неизвестно, на ком было больше шерсти: на этой псолюбивой тётке или на самих собаках.

– Мы уже создали краудфандинговую платформу, собирали подписи желающих. Я лично ходила по инстанциям, но везде натыкалась на закрытую дверь. Объект

культурного наследия – и точка. Понимаете? При этом здание никому не нужно, здесь ни разу за десять лет не было ни одного чиновника. Комиссия там… Ничего. Всё осыпается. Трубы гниют, несколько раз мы выгоняли отсюда наркоманов. Когда пришло уведомление от «Соло Инвест», мы поверить не могли…

Голос Ляпишевой трагично прервался, и эстафету переняла дикторша:

– Эти кадры были сняты за неделю до того, как к стенам приюта подогнали строительную технику. Ни петиции, ни обращения к депутатам не помогли. Как выяснилось, перед законом равны не все. Некоторые равнее…

Вместо несчастных псов на грани выселения появились смазанные от спешки ночные кадры. Фонари, бульдозеры, кран с шар-бабой… Машины, которые Соломатин направил в Захарьево. Крик охранника, вопль оператора «Валера!» и помехи. Чтобы все видели, как тяжела и опасна работа рядового репортёра.

– Что за Валера? – поморщился Костик.

– Элла говорит, что в титрах был какой-то В. Гинзбург. Он, видимо, и работал над материалом. Сучий потрох… – Матвей раздражённо досматривал кадры, на которых оператор бьётся в двери департамента культурного наследия и получает только монотонный отказ от комментариев.

– И что Элла предлагает?

– Судиться. – Соломатин убрал гаджет, чтобы наконец тронуться с парковки и с мягким рыком вырулить на дневной свет. – Как обычно. Ещё она считает, что это заказ конкурентов. Хочет нанять детективов, накопать на Барсукова и Фельдмана… Типа они мстят за то, что я перекупил того чувака из Сколково. Будут меня топить, чтобы акции рухнули…

– Может, и так. Нанять пресституток вполне в духе Фельдмана. Первый канал для него дороговато, но почему бы и нет? – Костя вытащил из нагрудного кармана тёмные очки-пилоты. – Помнишь, он хотел инвестировать в ресторан в центре, а в последний момент ему отказали? Через месяц этого чинуша закрыли за взятки. Бедолага! Возьмёшь – посадят, не возьмёшь – скажут, что взял, и всё равно посадят…

– У Фельдмана полно проектов. – Матвей открыл окно, чтобы высунуть руку. Было по-осеннему свежо, но зато бодрило. Немного свежести ему бы не помешало: с того самого момента, как Элла набрала его вчера вечером, Соломатина не покидало ощущение, что его накормили кошачьим дерьмом. Вот как только захочешь вложиться во что-то значимое, сразу найдётся мразь, которая вывернет всё наизнанку и сделает из тебя бездушного капиталюгу.

– Не знаю… Что мы докажем в суде? – Соломатин бросил быстрый взгляд на Костика в ожидании хоть какого-то совета. Но очки закрывали половину лица, и было непонятно, что у Власова на уме. – Разве что нервы помотает каналу, так они и без нас тёртые.

– Логично, – задумчиво произнёс Костик. – А знаешь, что я думаю? – Он сдвинул очки на кончик носа и посмотрел на Матвея поверх стёкол, словно собирался озвучить гениальную шутку. – Нужна показательная порка!

– Хочешь пойти к генеральному продюсеру канала с розгами и поиграть в доминанта? – усмехнулся Матвей. Настроение было ни к чёрту, но Костик умел развеселить даже во время полной лажи.

– Зачем? Генеральный продюсер канала учился на одном курсе с моим батей.

– Да ладно! Твой же в минсельхозе сидит!

– Ну так и этот бы сидел, если б не затянуло в чудо-ящик. Неужели батяня не уломает по старой дружбе уволить какого-то там Валеру? Рили? Не смеши, бро. Как два фингера об роад.

– Это не шутки, Кость…

– Так я серьёзен, как похмелье! – улыбнулся Власов. – Сам подумай: выпад в сторону «Соло Инвест» – моментальное увольнение. И не кого-нибудь! Репортёра ажно оттуда! – Костик поднял вверх указательный палец. – Всем станет ясно, что у тебя стальные яйца! И связи, как у Абрамовича. Если из-за одного сюжета с косвенными домыслами человека увольняют за пару дней, то уж газетку или канал попроще закроют к хренам. А теперь угадай: станет ли кто-то после этого освещать Матвея Соломатина в массмедиа? Разве что отъявленные суицидники.

– Думаешь? – поморщился Матвей.

Он долгие годы пытался выстроить новую культуру бизнеса в России. Конечно, он не питал иллюзий насчёт Штатов. Там тоже хватало промышленного шпионажа и канцелярских ножей в спину. Но нашим было ехать и ехать на медведях до новой деловой этики… И он, Матвей Соломатин, собирался стать лицом этой прекрасной эпохи обновлений. Пафосно, но правда! Он был чист перед законом, не братался в банях с сомнительными дельцами, не крестил несуществующих детей с криминальными авторитетами. Как там любят западные киношники изображать русских? Бородатые немытые рашнз, которые хлещут водку, занюхивают медведем и заказывают каждого, кто посмел плохо подумать о президенте. Бруталы без моральных принципов. Реликты из страшного постсоветского прошлого.

Они ушли – и это Матвей хотел доказать и своим, и чужим. И получалось ведь! Сначала по чуть-чуть, в масштабе одного только Батлер Колледжа. Потом – в Сити. В Москве. В России… И этот идиотский репортаж мог испортить всё. Свои сочтут его аморальным капиталистом, которого научили в Принстоне, как развалить Родину, чужие – взяточником. Выкормышем коррупционных традиций. И хорошо бы доказать обратное, пойти честным путём, как предлагала Элла… Но идея Костика так щекотала воображение! Так созвучна была с ненавистью к наглому и лживому Гинзбургу…

– Ну? – нетерпеливо спросил Костик. – Определился?

Матвей молчал. Не хотелось действовать через кумовство. Стальные яйца? Не совсем это он собирался предъявить деловому миру.

– Да ладно, бро! – не унимался Власов. – Одно твоё слово, я звоню бате, и завтра этого Гинзбурга…

– Хорошо, – сорвалось с губ, и как-то даже стало легче дышать. – Звони. К чёрту Гинзбурга.

Глава 3

И немедленно лайкни (или лайка не вяжет?)

– Ну, девочки, шампанского за встречу? – Бодрый голосок Тихоновой впивался в мозг перфоратором.

– Чур мне мускатного! Знаю, что правильнее пить брют…

– Ой, я тоже не могу, зубы сводит.

– Девочки, а возьмём на всех «Асти»? Две, три бутылки? Лер, поддержишь?

Девочки. Девочки идут в первый класс с гигантскими бантами и гладиолусами, мотаясь под тяжестью портфеля. Девочки прыгают во дворе в резиночку и хихикают, если им показать палец. Да здесь младше двадцати семи ни души, уж какие девочки? Пора смотреть правде в глаза. Тетки.

– Водки, – буркнула Лера. – И можно сразу графин.

Щебет молодящихся прелестниц стих, и озадаченные взгляды обратились к источнику зла и цинизма.

– Что-то случилось? – Катя склонила рыжую головку набок, и Лера с трудом сдержала тираду, подкатившую к кончику языка.

Да! Случилось! Работа всей моей жизни! Шеф, который стал почти наставником. Глубокое, зловонное и непроглядное жерло дохнуло тленом, а ты сочувственно поднимаешь свои идеально нарисованные брови и спрашиваешь, что случилось? Случилось всё! Просто потому, что у кого-то есть деньги, связи и вторичные половые признаки.

Лера сглотнула монолог потенциального самоубийцы, усилием воли растянула губы и выдавила:

– Норм.

Расспрашивать подробнее никто не стал. Вряд ли поверили, но благоразумно решили не тратить вечер встречи на дурное настроение Гинзбург. Чай, не первый год в одном окопе. Знали, чем всё может кончиться.

И Валера терпеливо держалась. Зажёвывала острыми крылышками, пыталась вслушиваться в чужие романтические истории… Но солёные закуски плохо идут с розовой сахарной ватой, поэтому спустя полчаса Лера махнула рукой на этику и такт и обратилась к зомбоящику.

Собственно, это и стало её роковой ошибкой. Уж где-где, а в ресторане она никак не ожидала наткнуться на экономический канал. Всю жизнь, сколько Лера себя помнила, фоном её встреч с сокурсницами были кадры подиумов. Наверное, вся аудитория каналов высокой моды только и состоит из посетителей ресторанов. Ты ешь, а перед тобой бредут в никуда с отрешённым взглядом голодные девушки. Вышагивают в замысловатых шляпах и платьях, тихонько постукивая ключицами. И каждый раз остаётся гадать: придавят модель метровые подплечники и перья или она чудом дойдёт до занавеса?

Обычно Лера жевала, смотрела на острые скулы и угловатые коленки с подиума и думала, что, в общем-то, с диетой можно пока не заморачиваться. Но именно сегодня сотрудники ресторана решили сменить политику. Или просто один из официантов впал в мечты о богатом будущем венчурного капиталиста… Словом, во всю плазму транслировали строгих ведущих в обрамлении графиков и курсов акций и валют. И всё бы ничего, но взгляд Леры споткнулся о знакомое лицо. «М. Соломатин, генеральный директор “Соло Инвест”», – гласила надпись внизу экрана. И это стало последней каплей.

– Вот сволочь! – процедила Лера, сжимая очередную стопку.

Разумеется, «девочки» с любопытством обернулись к телевизору. И, разумеется, задохнулись от восторга.

– О, Соломатин… – мечтательно протянула Катя. – Боже, какой мужчина!

– Ага, такая няша! – вторила ей Лиза.

– Наш журнал включил его в список завидных холостяков. – Настя Тихонова вздохнула. – Хотя говорят, он встречается с Проскуриной.

– Это которая Маргарита? – живо заинтересовалась Лиза. – Модель, демонстрирующая купальники?

– Жертва хирургов, – фыркнула Катя. – Теперь там ловить нечего. Импланты со всех сторон, от зубов до попы. Готовая кукла. Официально они ничего не объявляли, но от таких, как Проскурина, не уходят.

– На таких, как Проскурина, не женятся. – Настя пригубила шампанское.

Боже, она даже пьёт, как колибри! Ни ума, ни фантазии, зато полная осведомлённость в сплетнях. Как можно считать Соломатина завидным женихом, если он такая отъявленная сволочь, для которого люди, животные, культура – просто мусор под ногами?

– Точно, девочки, – закивала Лиза и вдруг хихикнула. – Ой, газы носом пошли… Если женщина сделала из себя надувную игрушку для секса, то нечего обижаться, если её так и воспринимают.

Тут Лера не могла не согласиться. Она понятия не имела, кто такая Маргарита Проскурина, но заочно испытывала к ней неприязнь. Впрочем, если эта Проскурина – алчная стерва, то именно такую Соломатин и заслужил. Наверняка она ещё и носит натуральные шубы…

– Вот, знаете, обидно. – Катя подпёрла лицо ладонью. – Вроде приличный мужчина. Ну, лицо интеллигентное. А на самом деле такой же, как остальные…

– И даже ещё хуже, – не удержалась Лера. – Учи таких в Принстоне, не учи…

– Он ещё и в Принстоне учился? – Лиза округлила глаза. – Постой, а ты откуда знаешь?

– Да так… Попался под руку во время работы над сюжетом…

Лера поняла, что сболтнула лишнего, но было поздно. Отговорки сработали бы где угодно, но не в тесном дружеском кругу профессиональных журналисток.

– Выкладывай! – с информационной жадностью потребовала Настя Тихонова. – У вас что, была интрижка?

– О-о-о… – выдохнула Катя. – Неужели ты всё-таки с кем-то… Я бы спросила, не сорвал ли кто-то твой цветок, но в твоём случае это скорее чека от гранаты.

– Очень смешно. – Лера плеснула ещё в стопку и моментально спасла от выветривания. – Дефлорация – не то, что я обсуждаю с посторонними. Во-первых, тема старая и неактуальная, во-вторых, спасибо, Господи, к Соломатину вообще никаким боком не относится.

– Тогда чем же он зацепил нашу недотрогу? – Катя подалась вперёд. Ещё немного, и любопытство заставило бы её совершить прорыв в физике и просочиться через столешницу.

Лера замерла на секунду, взвешивая, стоит ли раскрывать все карты, но водка внутри услужливо зашептала, что правда – превыше всего.

– Меня из-за него уволили.

Пожалуй, никогда ещё за столиком журналистов не было так тихо.

– Служебный роман? – выдохнула Лиза.

– Ирония судьбы. – Лера обречённо помотала головой. Ну вот как им объяснить?

Времени ушло больше, чем хотелось бы. Но вскоре вся история обрела ясность даже в сознании Насти Тихоновой, которое после бутылки «Асти» больше походило на крюшон.

– Ну какой же гад! – И тут Катя добавила пару слов, от которых даже самая стойкая французская помада могла бы осыпаться горкой стыдливого пепла.

Вечер определённо начинал нравиться Лере. Злость сама по себе вгоняет в тоску, вызывает бессилие и желание обниматься с собственными коленками. Но как только появляется возможность разделить гнев, как пиццу, срабатывает стадный инстинкт. Охватывает эйфория, и, кажется, вот попади сейчас кто-

нибудь под руку – от него останется только штампик на отчёте о вскрытии.

Матвей Соломатин и вся его пафосная конторка стали вдруг казаться Лере чем-то мелким и несущественным. Уволил? Да и чёрт с ним. Уж она-то найдёт способ поквитаться. Какой конкретно? Это проспиртованный коллективный разум умалчивал. Одно было ясно наверняка: не пройдёт и полгода, как Соломатин будет валяться у Леры в ногах, целуя рифлёные подошвы «гриндерсов», плакать и просить пощады хотя бы ради бедных пушистых пёсиков.

Дальнейший разговор расплылся радужными кругами, смешался с громким хоровым выступлением в караоке, посеребрился стразами мужского стриптиза. Кажется, были ещё охранники. Кажется, они робко просили вести себя поскромнее… Словом, где и как вечер перешёл в «вашу мать, мне через час вставать на работу», Лера искренне не помнила. Какой бы сильной женщина ни была, как бы ни закладывала мужиков за пояс в трезвом виде, алкогонки она всегда проиграет.

Пробуждение пришло внезапно и мокро. Моросил противный сентябрьский дождик. Не слишком холодный, а так, будто кто-то мочится на тебя свысока. Собственно, после мужского стриптиза Лера чего-то подобного и ожидала, поэтому, едва ощутив на лице капли, подскочила и вытаращила глаза.

Это был балкон. Незнакомый открытый балкон. Серое московское небо, крыша напротив, усиженная голубями. Желтеющие кроны деревьев. Вполне себе милый городской пейзаж, если бы не два вопроса: чей это вообще балкон и как попасть внутрь квартиры.

Лера поднялась, старчески охая и хватаясь за поясницу. Либо её вчера били, либо просто катали по булыжникам. Крепко вцепилась в отливы окон, прижалась лицом к стеклу. Равновесие держалось плохо. Фитнес фитнесом, а водка не любит спортивных.

Из полумрака на Леру смотрело чудовище. Как если бы Добби из Гарри Поттера перешёл на сторону зла. Морщинистое, лысое, инфернальное. Кошка сфинкс, точно. И это радовало, потому что ответ на первый вопрос был найден. Тихонова. Это она вчера рассказывала про породистое приобретение по кличке Мышь. Лера прищурилась, разглядывая зверюгу. Мышь? Разве что летучая.

– Эй!.. – Звук, который вырвался из пересохшей глотки, слабо напоминал человеческий голос.

Кошка Мышь прижала уши и слиняла, а Лера облизала губы, кашлянула и повторила попытку.

– Эй! Настя! Ау!

Тихонова возникла на горизонте через пару минут. Впервые в жизни Лера видела однокурсницу-припевочку такой помятой. Тушь потекла, белокурые волосы торчали паклей. Странно, но в этом облике Настя отчего-то вызывала симпатию.

– Не беспокойся, я предупредила, что мы опоздаем, – прохрипела обновлённая Тихонова, распахивая дверь.

Кажется, она нисколько не удивилась, что Лера спала на балконе. Может, сама туда и выставила?..

– Кого предупредила, куда опоздаем и почему мы? – машинально спросила Лера, оглядываясь по сторонам.

– Ты в своём репертуаре, – усмехнулась Настя. – Профи.

– В смысле?

– Три вопроса на одну фразу. Забавно.

– Ну… Может. Только я не шутила. А кофе нет?

– Что, правда ничего не помнишь? – Настя сочувственно склонила голову набок. Точь-в-точь как вчера, когда Лера рассказывала об увольнении. Да, этот эпизод остался в памяти нетронутым.

– Да нет… Вроде…

Лера наморщила лоб и сдвинула брови. Она ведь не соглашалась на оргию или, ещё того хуже, совместную ипотеку?

– Садись, сейчас налью. – Настя провела Леру на кухню, указала на стул и хозяюшкой запорхала у плиты. – Хорошо ещё, мама с братом на даче! А то бы пришлось бросать тебя на тротуаре. Представляешь, выяснилось, что никто не знает твой адрес!

– Что я натворила?

– Ну, к счастью, ничего особенного. Иначе бы я не стала ремо… рекоманд… Да боже ж мой! Больше не буду столько пить! Ре-ко-мен-до-вать тебя начальству.

Настя поставила перед Лерой дымящуюся кружку, и та с наслаждением обхватила пальцами гладкий керамический бочок, трезвея уже от запаха.

– А зачем меня рекомендовать твоему начальству? – Нехорошая догадка заползала в мозг вместе с паром от кофе.

– Вот ты даёшь, Валер! – Настя фыркнула, плюхнулась напротив и схватилась за виски: не рассчитала с резкостью движений. – Мы же вчера говорили! Что ты потеряла работу…

– Это можешь не напоминать.

– А тебе платить за квартиру… Я сказала, что у нас девочка одна ушла в декрет, есть вакансия, и ты попросила…

Кофе попал не в то горло, и Лера неистово закашлялась.

– Я… Что?! – натужно просипела она.

Валерия Гинзбург не просила. Никого и никогда. Зачем унижаться? Если заслужил – получишь сам, если не дают – не заслужил. Она ставила перед фактом, аргументировала, почему ей нужно то-то и то-то. Читала матери лекцию о гипогликемии после обеда, и мама понимала: это вместо «ну можно мне, пожалуйста, конфетку». Чтобы Лера попросила Настю Тихонову? О каких-то

рекомендациях? Кто-то успел развернуть планету в обратную сторону?

– Ну да, – дёрнула плечом Настя. – Ты попросила замолвить за тебя словечко по поводу этой работы. А что такого? Все свои. В наше время связи – главный капитал.

Это ж какие сентенции! Интересно, где Тихонова научилась так мыслить? Пока писала статьи про пятьдесят оттенков пудры?

Нет, со спиртным пора завязывать. Если так дальше пойдёт, можно очнуться за написанием пресс-релиза к концерту Стаса Михайлова. Дно было близко, и оно подмигивало.

– Слушай, Насть… – Лера и без того с трудом отскребала осколки словарного запаса с внутренних сводов черепа, а уж отыскать в бардаке те редкие деликатные формулировки, которыми она и в обычные дни-то почти не пользовалась… – Спасибо, конечно, что подсуетилась… Но женский журнал? Серьёзно? Нет, не так. Я – в глянце? – Лера рассмеялась и осеклась, наткнувшись на остекленевший взгляд Тихоновой. – Ну не в этом смысле… Фак, не заставляй меня…

– Короче, работа тебе не нужна? – сухо перебила Настя.

– Не, нужна, конечно. Но блин…

– Нормальная, да?

– Говорю, я не в этом смысле…

– Да я всё поняла, Валер! Есть работа для тебя, а есть – для простых смертных. Ну, знаешь, дворники, гробовщики, ведущие колонки красоты…

– Насть…

– Да нет, нормально, нормально. Ты в своём репертуаре. А я думала, что щелчок по носу от Соломатина чему-то тебя научит…

– Знаешь, я лучше пойду… – Лера поморщилась: голова трещала, ещё и обиженный стрекот Тихоновой… И странные уколы совести где-то в висках. Откуда? За правду ведь не должно быть стыдно? Чья вина, что Настя дуется на каждый чих?

Тихонова молча позволила Лере встать, проводила в прихожую, а в ответ на растерянное «ну, на связи» просто молча захлопнула дверь перед носом великой Валерии Гинзбург.

Глава 4

От гламура и лайка – не зарекайся

День не задался ещё с прошлого вечера. Вообще, был это день или нескончаемое чистилище, Лера пока не осознала. Она не привыкла при свете дня мотаться на общественном транспорте вместо горячей работы над материалом. Час добиралась до «Хонды», ещё час толкалась в пробках до дома.

Есть люди, которые любят иногда расслабиться и поваляться на диване, Леру же не покидало чувство, что её кто-то наказал. В квартире она бывала обычно только для того, чтобы поспать, и теперь, увидев свою пещеру днём, пустую и плохо пригодную для жизни, поначалу захотела прямо с порога развернуться и уйти. Единственным намёком на уют был кактус Кот, и того она пять минут назад принесла из багажника. Оператор Дима был прав. Живой зверь у неё сдох бы давным-давно. Печься о благосостоянии животного мира Лера могла только издалека.

Финансовое планирование тоже не относилось к числу её сильных сторон. Пока нормальные люди вели приложения с бюджетом, Лера действовала проще. Есть у тебя деньги – трать. Нет – заработай. Никаких запасов на чёрный день. А он пришёл – и ситуация обстояла следующим образом: через две недели платить за квартиру. И если это сделать, то на еду останется около десятки до конца месяца. Не стоило, конечно, так швыряться купюрами в ресторане и мужском стриптизе… Кажется, Лера даже пихнула пятисотенную в одни сияющие трусы. Так ведь не пойдёшь же теперь с просьбой вернуть? Тем более Лера совершенно не помнила, что было выше пупка.

Есть ещё, конечно, мама. Которая с радостью примет Леру обратно в гнездо. Но снова вот это «ты покушала?», «я тебе на джинсах коленки заштопала!», «тетя Валя дала барсучий жир, давай натру, а то что-то ты ночью кашляла»… Нет. Ещё лет пять назад Лера твёрдо решила: с мамой она будет жить только в том случае, если кто-то из них станет овощем. Папа, конечно, тоже страдал от чрезмерной заботы, только это был его личный выбор. А Лера… Лера любила мать, но как-то больше на расстоянии.

Вариант оставался один: заработать. И тут пришлось согласиться с Тихоновой: связи – это капитал.

В ход пошла половина списка контактов. Пал Палыча Лера оставила напоследок, уж очень не хотелось расписаться в своей несостоятельности. Сначала пошла по однокурсникам мужского пола. Антон? В Берлине. Кирилл? В журнале для геймеров. Второй Кирилл? Сам перебивается с хлеба на воду. Мишаня Голдьман? Подался на второе высшее в режиссуру. Лёха Патрушев свалил в Таиланд, сидит на дереве и фрилансит. Отлично же! Капитал, что надо!

Дальше Лера решила обзвонить преподавателей с журфака. Тех, с кем она не разошлась во взглядах и не разгрызлась в кровавые слюни на экзамене. Лемешев принялся сетовать, что не ожидал такого от своей лучшей студентки; Назарчук, извиняясь, сообщил, что у него есть только одно местечко на кафедре, надо вести занятия в школе юного журналиста для старшеклассников. Лера скрепя сердце предложила свои услуги, и тогда Назарчук расхохотался так, что даже дыхание сбилось.

– Мне надо привлечь их в профессию, – простонал он между приступами смеха. – А не напугать до смерти…

Такого от alma mater Лера не ожидала. Стала звонить по сослуживцам, просто знакомым… Бесполезно. Вздохнув, зарегистрировалась на бирже фрилансеров. Уж в интернете-то денег должно быть валом! И что? Выяснилось, что начинающий пользователь без звёздочек в запасе может рассчитывать только на сто рублей за статью. И писать надо про шкафы-купе и подгузники.

Отчаявшись окончательно, Лера набрала Пал Палыча.

– А знаешь, я сам собирался тебе звонить, – выдал он после третьего гудка.

Ну вот! Не могла подождать ещё полчасика, чтобы не так унизительно?

– Я говорил со вторым каналом. По большому секрету.

– Могила, Пал Палыч.

В этой войне двух федеральных, в вечном противостоянии за бескрайнюю аудиторию глубинки, где телевыбор ограничен двумя кнопками, не было полутонов. Только чёрное и белое, красное и синее. Первый и второй. Был замечен в связях с подлыми конкурентами? Всё. Отправляйся прямиком на ТВ-магазин. Рассорился с руководством? Лезь через границу и подмигивай гадким обидчикам из вражеского эфира.

Лера знала, что в лагере красных меньше вольностей, старше аудитория, крепче сидит на горле шипастый ошейник благонадёжных редакторов. Но соблазн отомстить был сильнее, поэтому выслушать стоило.

– Они могут устроить тебя в передачу «Наша страна». – В голосе Пал Палыча сквозило сомнение.

– Что-то типа нашей? Рассказывать о проблемах в разных городах?

– Не совсем. – Пал Палыч медлил, явно придумывая, как бы подсластить пилюлю. – Скорее, наоборот. Надо рассказывать о прогрессе в разных городах. Ну, условно, надо тебе снять больницу в Костроме. Ищешь фасад, на который уже положили плитку, посещаешь с главврачом платную палату, куда на час подселили блаженную бабульку. Из тех, что всему радуются…

– И игнорируешь тот факт, что перед открытием больницы закрыли три других?

– Как-то так. Я сомневался, что ты согласишься, но если ты готова…

– Йеп.

– Что-что?

– Ага. Вы же знаете меня, Пал Палыч. И вы всерьёз это предлагаете?

– Ну, Валер, что есть, то есть…

– Вы ведь в курсе, почему я подалась в зоозащитники?

– Потому что любишь пушистиков?

– Потому что, Пал Палыч, эта единственная сфера, где я могу что-то сделать. Я не дура, и отлично понимаю, что в политике меня или заткнут, или заставят писать по госзаказу. Вы же знаете, что я так не могу…

– Зачем ты мне это говоришь? Идеалистка, да? Думаешь, одна такая умная и честная? Все когда-то такими были. Жизнь сложнее, чем тебе кажется. Иногда стоит прогнуться, чтобы сохранить позиции для чего-то другого. Важного.

– Я… – Лера сжала зубы. – Я так не могу.

– Стоило догадаться. Что ж, Лер. Удачи, куда б ты ни собралась.

Короткие гудки возвестили о нежелании Минаева продолжать разговор. Это был конец. Впору было вешаться или менять специальность. Слесарь? Электрик? Или на каком там факультете учился Соломатин… На сатанинском?

И снова накатила злость. Ныть и печалиться с пледом, какао и зефирками Лера не умела. А вот злиться – очень даже. И очень жаль, что до Соломатина простым отребьям из среднего класса не добраться без предварительной записи к его секретарше. Потому что очень хорошо было бы посмотреть в наглую рожу и спросить: «Ты незаконно выкупил землю. Ты собрался сносить особняк и выселять сотню псин в никуда. И ты реально думаешь, что наказать за это надо меня? Совесть свою тоже увольнять будешь?»

Нет. Уйти из профессии – значит поджать хвост перед Соломатиным. Как будто Лера взяла поиграть чужой совочек, дядя погрозил пальцем, она вернула игрушку и снова стала прилежной девочкой. Ха! Не дождётся. Она останется журналистом, даже если какое-то время придётся писать про помаду.

Лера мстительно фыркнула и посмотрела на своего безмолвного колючего друга.

– Слышь, Кошак? Мы ещё прорвёмся. Скоро будешь стоять на таком гламурном столе, что даже придётся поменять горшок.

Палец сам отыскал в телефонной книге Настю Тихонову, и через мгновение Лера услышала длинные гудки. Пришло время порадовать «девочек». Скоро в их издании будет работать хоть один приличный журналист.

– Ты что-то у меня забыла? – холодно выдала Настя вместо приветствия.

– Эм… Нет вроде… – Лера нахмурилась. Даже она отошла после бодуна, а уж Тихоновой с её шампунем должно было полегчать гораздо раньше. Так что за тон?

– Тогда мне надо работать, если не возражаешь…

– Нет… То есть… Стоп, подожди. Я как раз насчёт этого.

– Насчёт чего?

– Ну, помнишь, ты предлагала мне поработать у вас на время декрета…

– Я? Нет. Ты просила, – Настя выплёвывала слова, как вишнёвые косточки.

Конечно, теперь будет злорадствовать. Из-за того что с утра Лера была честной. Мстить за правду – как это по-соломатински!

– О’кей, допустим. Я подумала, что не такая уж плохая идея… Можно попробовать что-то новое…

– Ну нет, Лера, – Настя усмехнулась. – Говори прямо: никуда больше не взяли?

– Да, а с чего ты?..

– Месяц назад закрылся «Мегаполис», полгода назад – «Hot». Безработных журналистов пруд пруди. Везде надо либо писать под заказ, либо платят копейки. И только у нас американский владелец, которому на курс рубля как-то плевать.

– То есть ты знала, что меня никуда не возьмут?..

– Ни секунды не сомневалась, – безжалостно отрезала Тихонова. – Дело уже не в квалификации, Лер. На место, которое освободилось в нашем журнале, стоит очередь из тридцати соискателей. Я могу замолвить за тебя словечко, попросить главреда тебя глянуть вне очереди… Но с твоим отношением… Вряд ли тебе что-то светит.

Вот тебе и тихоня Тихонова! Белокурый ангелочек с мурлыкающим голоском Мэрилин Монро! Значит, журфак даром не прошёл?..

– Тогда, может, замолвишь? – Лера сдержала сарказм.

– Я бы замолвила. Если бы утром ты повела себя как нормальный человек. А ты… Ты даже не можешь вежливо попросить, когда трезвая.

Лера медленно втянула носом воздух. Сосчитала до десяти. Потом до пятнадцати.

– Пожалуйста. – Одно-единственное слово пришлось выдавливать, как пасту из тюбика. – Ты не договоришься с главредом насчёт меня?

– Посмотрю, что можно сделать. Жди звонка. Всё, мне пора.

И Тихонова, не дав Лере опомниться, отключилась.

Полтора часа тянулись дольше, чем вся трилогия «Властелин колец» с перерывами на рекламу. И даже после этого вопиющего садизма Лера не удостоилась звонка. Телефон жалобно пискнул сообщением: «Собеседование сегодня в 17:16». Не в четырнадцать, не в пятнадцать – именно в шестнадцать минут. Видимо, проверка на вшивость. Что ж, пунктуальности Леру учили с детства.

Парадный пиджак слегка утратил первозданную красоту, поэтому пришлось его как следует встряхнуть и даже пробежать утюгом. Вытащить из сушилки новую футболку. Белую. Почти офисный планктон! Армейские штаны сменились чёрными джинсами, берцы – кедами. Эдак недолго и обабиться! А… Была не была. Красота требует жертв.

Для галочки потягавшись с кудрями расчёской, Лера тряхнула гривой, глянула в зеркало, поморщилась от сходства с Шер и, перекинув через плечо рюкзак, отправилась в святилище женской публицистики.

Редакция журнала «Gloss» поражала расходами на дизайнеров. Пожалуй, на деньги, которые содрал с руководства какой-то выпендрёжник за чёрно-белые стены и светильники, похожие на стекающие ртутные сопли, можно было бы накормить детей Ботсваны.

Лера всегда считала внешность вторичной, а одежду – не чем иным, как способом прикрыть наготу. Не больше. Но всё равно окружающая обстановка давила и выталкивала. Лера чувствовала себя пенопластовым поплавком, который безуспешно пытается погрузиться на дно. Девицы на ресепшен сидели с таким выражением лица, будто это они собственноручно сшили платье на последний концерт Мадонны. Снобизм можно было потрогать пальцами, а от флёра дорогих духов чесались ноздри.

Леру всё-таки пропустили внутрь, хотя в какой-то момент ей показалось, что помимо паспорта попросят показать ещё и лейблы на одежде. И Лера уже видела: вот она выворачивает пиджак, показывает иероглифы на этикетке, и большеглазую малышку в чёрном увозит «Скорая». Видимо, девушка тоже предчувствовала подобный исход, поэтому рисковать здоровьем не стала.

Лера пришла даже заранее, без пяти пять, но, чтобы уесть Тихонову своей математической пунктуальностью, ещё послонялась по фойе, прежде чем подойти к лифту. Отовсюду смотрели с фотографий модели от-кутюр. Как они это называют? «Напряжённый взгляд». Ещё бы! Будет он напряжённым, если стоять в позе человека с острой невралгией. Как ни старалась, Лера не смогла объяснить себе, зачем так выворачивать колени, делать плечи вперёд, локти назад, при этом страшно вытягивая шею. Высокая мода, куда деваться.

Ровно в семнадцать пятнадцать, захлёбываясь сарказмом, Лера поднялась на третий этаж, туда, где каждый день впахивала, как маленькая гламурная пчёлка, Настя Тихонова. Однако и здесь Леру ожидал сюрприз. Вместо того чтобы обрадоваться и выпалить нечто вроде «Ого! Вот это точность!» – Настя оцепенела с приоткрытым ртом.

– Ну что? – развела руками Лера, так и не дождавшись заслуженной похвалы. – Кто тебя не подвёл?

– Не подвёл?.. – Настя подавилась невысказанными словами. – Издеваешься?! Ты вообще слушала, что я тебе говорила? Тридцать человек на место!

– Так я ж не опоздала!

– При чём тут это?! Ты специально вырядилась, как… Господи, я даже не знаю, как это описать… Короче, как обычно?

– Ключевое слово «обычно». Я всегда так хожу, чего ты удивляешься?

– Я думала, ты догадаешься, что идёшь на собеседование в «Gloss»! Ладно, ты явилась в таком виде на встречу выпускников, я думала, ты сразу после… Не знаю… Интервью с танкистом. Но это… Вчерашний пиджак… Ну всё!

– Что?

– Всё! – Настя в отчаянии потёрла виски. – Теперь и тебя не возьмут, и меня уволят. Аделина взбесится.

– Что за Аделина? Главред?

– Боже, что я наделала… – простонала Тихонова. – Ведь чувствовала же: не надо… И зачем надо было пить и горланить Gaudeamus igitur[2 - Возрадуемся… (лат.) – студенческий гимн.]… Аделина убьёт меня…

– И за что, интересно? – Поставленный голос за спиной заставил Леру вздрогнуть и обернуться.

Женщина и говорила, и выглядела, как королева. Не старушка с букетом фиалок в шляпе, а та королева, которых высекают из мрамора, чьим именем называют фрегаты и лайнеры. Лера поняла сразу: перед ней та самая главред Аделина, и Настя боится её неспроста. Короткое чёрное каре, очки в роговой оправе, воротник-стойка. Ничего лишнего, а как красиво! И даже… Даже как-то мужественно, чёрт подери!

Пал Палыч был начальником Валеры много лет, иногда ругался, брызжа слюной. Вчера вот даже уволил. И всё равно она его не боялась. Шеф, с которым можно поспорить, ругнуться, даже вызвериться. Аделина вызывала необъяснимый паралич во всех конечностях и желание присесть в нелепом реверансе. Как завуч в католической школе для девочек или мадам в борделе.

Невысокий рост никак не сказывался на внешнем величии. Как вообще можно бояться человека, который дышит тебе в плечо? Маленькой хрупкой дамочки? Понять этого Лера не могла, но и справиться с собой – тоже. Впервые в жизни она стояла, проглотив язык, и не знала, что сказать.

– Аделина Викторовна… – Настя зачем-то вскочила и пригладила волосы. – Помните, я говорила вам… Ну, по поводу собеседования. Валерия Гинзбург, моя однокурсница…

– С Первого канала? Ну как же. Помню, помню. И уже навела справки. – Ухоженная бровь изогнулась, холодные голубые глаза хищно сузились. – Пройдёмте, Валерия. Посмотрим, что может предложить нашему изданию опальная журналистка.

Глава 5

Политика кнута и лайка

– Ты что, рамсы попутал?! Кинуть меня решил? – Ритусик срывалась на истошный визг. Её голос и без того нельзя было назвать приятным. Но теперь…

Матвей молчал и не шевелился. Боялся спугнуть остатки терпения. Хотел закончить всё по-английски. Тихо, цивилизованно. Он получил несколько приятных вечеров, – и, боже упаси, никаких ночей и уж тем более завтраков. Она – «мимишку» от «Картье». Казалось бы: носи, радуйся. А она швыряет в него уже третью подушку и орёт, как рождественский гусь накануне фаршировки. «Рамсы попутал»… Может, пора завести очки? Иначе как можно было не заметить куполов на этом тюнингованном теле?

– Кто она? – Ритусик вскочила с кровати, не потрудившись прикрыться.

Это был вызов. Мол, скажи мне, Матвей Соломатин, где ты нашёл женщину красивее меня? Предполагалось, видимо, что он посмотрит на сокровище, которое уходит у него из рук, раскается и сбегает за кольцом. Ага.

– Нет никого, – нехотя выдал он и тут же пожалел о сказанном.

– Мэ-э-т… – Ритусик резко сменила тактику, качнулась в его сторону, царапнула ногтем шею. – Ну зачем ты тогда меня дразнишь?

– Я никого не дразню. – Матвей отшатнулся и сунул руки в карманы – так оно надёжнее. – Просто прошу по-человечески: давай, ты сейчас оденешься и выйдешь…

– Что, не можешь сдержаться, когда я рядом? – Она плотоядно прищурилась.

А вот тут в точку. Сдерживался Матвей с трудом, правда, по другой причине. Хотелось взять эту курицу за шкирку, тряхнуть и спросить: «Какого чёрта ты делаешь в моей квартире? Кто разрешил тебе брать ключи? И если я сбросил одиннадцать твоих звонков, то что натолкнуло тебя на мысль прибежать и ждать меня голой в постели?!» Деликатность. Чёртова деликатность, впитанная с молоком матери. Матвей понимал, зачем отцу менять любовниц раз в пару месяцев. Как только женщина чувствует, что получила какие-то права, удавка начинает затягиваться всё сильнее.

– Я не хочу тебя обидеть, – процедил он, сжимая челюсти. – Давай так: я сейчас спущусь вниз, выпью кофе, а когда вернусь, тебя здесь не будет. И ключи… Бросишь там, на столике в прихожей.

Замки он, конечно, всё равно сменит. Предупредит консьержа. Но Рита должна понимать: ей здесь не рады. Дожидаться ответа не стал, просто развернулся и двинулся к выходу.

– Казззел! – донеслось ему в спину, и он успел захлопнуть дверь за долю секунды до того, как до неё долетела подушка.

Хорошая порция крепкого кофе, сэндвич с индейкой… Домой Соломатин не торопился. Во-первых, ни одна женщина не способна собраться в указанные сроки, во-вторых, девочка-бариста вовсю излучала кокетство. Не то чтобы она Матвею нравилась. Нет, милая, свежая, с пикантной родинкой на щеке. Не побоялась рискнуть работой и написала номер телефона на картонном стакане.

Соломатин догадывался, что отчасти обязан успехом у женщин своему статусу. То есть уродом он не был, следил за собой, периодически наведывался в качалку. Так, без фанатизма. Но не знал на сто процентов: будь на его месте обрюзгший одутловатый дядечка в таком же дорогом костюме, получил бы он заветный номерок? Или всё дело в американской улыбке и голубых глазах?

Может, ради шутки как-нибудь выйти в люди в комбинезоне сантехника и посмотреть, кого удастся подцепить? Костику бы понравилась затея. Надо будет попробовать.

Внимание девушки за стойкой Матвею льстило, но не настолько, чтобы позвонить. Разобраться бы сначала с истериками Ритусика… Стоп! Он что, действительно оставил разъярённую бабу в своей квартире одну? Чёрт, Соломатин! И как ты до сих пор не прогорел с бизнесом, будучи таким непроходимым кретином?

До последнего надеясь на чудо, Матвей поднялся наверх. Прислушался – тишина. Дверь Рита, разумеется, не заперла, но вряд ли бы его успели ограбить. Хотя…

Он шагнул через порог и замер. Вытащил телефон, набрал знакомый номер.

– Алло, клининг? Пришлите кого-нибудь срочно. Да, генеральная. Счёт на «Соло Инвест». Адрес? Да, тот же…

Ритусик… Хотя какой, к дьяволу, Ритусик? Маргарита Проскурина ушла громко. Разбила всё, что билось. А всё, что не билось, поднатужилась – и всё равно разбила. Свежие белые стены, ковёр за несколько тысяч долларов, коллекция алкоголя… Всё пало от хрупкой женской ручки. Нет, стены, конечно, не пали, зато хранили красноречивое послание, написанное перманентным маркером. Вот ведь!.. Где она маркер-то успела найти…

Матвей вздохнул и снова потянулся за телефоном. Идея ночевать в руинах Соломатина не прельщала, гостиница тоже как-то… Скучно.

– Власов, ничего, если я у тебя перекантуюсь?

– Ты? У меня?

– Я вроде так и сказал. Ты против, что ли?

– Да нет… Заваливайся… А что такое? Дожди заливают твой пентхаус?

– Сейчас скину фотки. И подумай раз десять насчёт Риты.

Снимки квартиры Костика впечатлили. Он встретил друга в излюбленных драных джинсах, в майке и с двумя запотевшими бутылками светлого наперевес.

– Я тебе так скажу, – авторитетно начал он, когда они прошли в гостиную и развалились на диване. – Бабы охренели вконец. Что они себе позволяют? Если ты посмел не сделать предложение – сразу козёл? Знаешь, я прихожу к мысли, что знакомства в реале изжили себя. Технологии шагнули вперёд, а мы топчемся на месте.

– Ты про интернет? – усмехнулся Матвей. – Чтобы на картинке модель, а на встрече крокодил? Или какая-нибудь клофелинщица? Ну на фиг!

– Нет-нет, сейчас всё иначе.

– Как же! Женщины везде одинаковые, просто в жизни ты сразу видишь, что она из себя представляет, а в интернете дополнительный риск…

– Ископаемое ты, Соломатин. Натуральный динозавр. Сейчас все в соцсетях, можно сразу посмотреть, адекватный человек или нет. Это раз. А потом, ты просто ставишь цель знакомства. Секс? Отлично. И никто тебе не станет потом предъявлять претензии и рисовать на стенах. Говорю тебе: срочно ставь «свайпер».

– Звучит жутковато. Как свингер.

– Да ладно! – Власов округлил глаза. – Только не говори, что ты ни разу не слышал!

– Мне некогда играть в приложения. Хватает рабочих…

– Вот ведь не пробовал – и говоришь! Слушай, Мэт. – Костик подался вперёд, глаза его возбуждённо заблестели. – Всё просто. Задаёшь параметры и радиус.

– Обхват груди, что ли?

– Расстояние в километрах! Просто пролистываешь девочек. Ты лайкаешь их, они тебя. Есть совпадение? Супер! Списываетесь, договариваетесь, встречаетесь… Всё! Все довольны.

– Ну, не знаю…

– Ставь, я тебе говорю! Тебе надо развеяться после Риты. – Власов отхлебнул пиво и протянул руку. – Давай телефон, я всё установлю. Где у тебя снимки для журнала? Возьмём один на аватарку.

Матвея эта мысль не очень прельщала, но Костик продолжал распинаться:

– Да ты пойми: времена, когда женщины делали секс своей главной валютой, прошли. Это в какую-нибудь Викторианскую эпоху надо было идти на поклон к папеньке с маменькой, выкладывать честно нажитое в качестве гаранта, брать девку в жёны, а потом? А потом обнаруживать, что тебе досталось форменное бревно, потому что маменька всю жизнь талдычила дочке, что получать удовольствие – грешно.

– Сколько ты уже выпил?

– Не занудствуй, падре. Давно доказано, что женщинам секс нужен ровно так же, как и мужчинам. И прогрессивное поколение девушек не стесняется об этом говорить. Поэтому давай оставим этих Ритусек с их запросами в прошлом. Ну же, не жмись!

Матвей вздохнул, снял блокировку с телефона и протянул Костику.

– Так, сейчас… – Власов с предвкушением отставил бутылку и вдруг сдвинул брови. – Десять пропущенных от этой ведьмы?

– Риты, что ли?

– Если бы! Эллы…

Матвей забрал телефон и, удостоверившись в словах Костика, тоже нахмурился. Звонки Эллы, да ещё в таком количестве… Не к добру. И как же он… А! Точно. Не включил звук после совещания.

– Погоди, – бросил Матвей приятелю и ткнул в улыбающееся лицо своего PR-директора.

– Слава богу! – выдохнула она вместо приветствия. – Я уже собиралась ехать к тебе. Домашний не отвечает, мобильный тоже… Всё в порядке?

– Более чем.

– Прекрасно. Пока ты развлекался, я обо всём договорилась.

Матвей сам не понимал, как так вышло, но Элла разговаривала с ним, как с подчинённым. Сначала казалось, что это её вечная спешка, потом стало ясно: мадам любит пожёстче. Пару раз Соломатин собирался поставить её на место, но никак не мог подобрать нужных слов. Специалистом Элла была что надо, и со временем Матвей привык к этой её манере. А вот Костик не упускал случая изобразить удар хлыстом, чем, собственно, и развлекался в эту самую секунду.

– Мне надо знать, о чём именно? – переспросил Соломатин в трубку, ответив Костику неприличным жестом.

– Разумеется! Завтра ты дашь интервью, в котором подробно обрисуешь ситуацию с Захарьево. Мы покажем, что ты не прячешься от прессы, а готов отвечать за свои действия. И тогда этому журналисту, который устроил тебе публичную порку, станет стыдно. Они вынесут эту историю в ток-шоу, и я бы хотела позвать Гинзбурга. Но почему-то никак не могу найти… На канале утверждают, что он там больше не работает, но больше похоже, что они просто покрывают своего или готовят тебе скандальный сюрприз. Этого допустить нельзя. Надо поговорить заранее, возможно, найти компромисс…

– Они не врут, – мрачно перебил Матвей и покосился на Власова. Вот чувствовал, что это решение не принесёт ничего хорошего, но всё-таки поддался на уговоры!

– Ты о чём?

– Гинзбурга уволили. Я подключил кое-какие связи…

В трубке стало так тихо, что Матвей решил, будто связь накрылась.

– Алло? – переспросил он на всякий случай.

– Ты… Что? – Тихий угрожающий тон Эллы предвещал бурю.

– Да, – признался Соломатин. – Ты говорила про суды, но это долго, дорого и бесполезно. Я решил… – как там говорил Власов? В его исполнении вся затея звучала вполне себе убедительно! – Я решил, что нужно сразу обозначить свою позицию. И после этого никто не захочет нас трогать…

– Матвей Игоревич, – начала Элла, и даже через телефон на Соломатина дохнуло Арктикой. На «вы» она переходила только в крайних случаях. – Вы совершили ужасную ошибку. Разумеется, вы вправе принимать любые решения, но я работаю в «Соло Инвест» не первый год и думала, что моей квалификации достаточно, чтобы вы потрудились хотя бы посоветоваться предварительно!

– Один-единственный журналист… – Уверенность покидала Матвея с каждым словом.

– Один-единственный журналист с Первого канала! – Элла начала закипать. – Ты обозлил крупного репортёра! И раздразнил осиное гнездо размером с Останкинскую телевышку. Теперь все коллеги Гинзбурга тебя ненавидят. Это раз. Попыткой заткнуть человеку рот вот таким кустарным способом ты уничтожил всю репутацию, которую мы с трудом строили все эти годы. Это два. И своим поступком ты показал, что боишься! Что тебе есть что скрывать! И теперь можешь сколько угодно доказывать обратное! Дай угадаю: гениальная идея Власова?

Матвей чувствовал себя нашкодившим мальчишкой. Каким же олухом надо быть, чтобы слушаться Костика!.. Так твою разэдак! Элла права, во всём права! Неужели не мог проявить терпение?

– И что теперь? – мрачно спросил Матвей. – Снова подключать связи, чтобы вернуть этого репортёра?

– Ни в коем случае! – отрезала Элла. – Даже не думай! Больше никаких связей! Надо искать Гинзбурга лично. Назначить встречу, всё обсудить. Если хочешь, можешь свалить на меня. Так, мол, и так, без моего ведома PR-директор полезла, куда не следует… Я, конечно, принял меры…

– Ты же судиться с ними собиралась!

– Да, собиралась! Пока не подумала, что можно обратить ситуацию в свою пользу. Собственно, когда они услышали про суд, сразу насчёт ток-шоу пошло как по маслу… Теперь я понимаю почему. Они ждут тебя в ловушку. И надо всё отменить, пока не поздно… В чём я лично сомневаюсь. Ох, Матвей, что же ты наделал…

– Я завтра поеду туда. Назначь мне встречу с главным редактором программы.

– Давай без самодеятельности!

– Элла, назначь мне встречу! Я понял, что накосячил. Завтра всё разберу. Сделаю так, чтобы этого несчастного Гинзбурга вернули.

Матвей отключился и хмуро посмотрел на Власова. Тот пребывал примерно в том же настроении, что и Элла секунду назад.

– Что значит «Гинзбурга вернули»?! – возмутился Костик. – Я поднимал отца на уши, и всё зря?! Опять слушаешься эту ведьму?

– Эта ведьма права, Кость. Я повёл себя, как виновный. В корне неверная позиция.

– Позиция силы! Ты что, с ума сошёл? Пойдёшь, как провинившийся первоклашка, к этому журналюге? И что? Будешь просить прощения? Или доказывать с пеной у рта, что ты ничего плохого не сделал?

– Поговорим, как цивилизованные люди…

– Это он-то цивилизованный?! Эй, мы сейчас точно про журналистов? – Костик насмешливо фыркнул. – Люди без принципов. Видят мир чёрно-белым. Либо есть повод для сенсации, либо нет. И хорошо ещё, если он затеял расследование по собственной воле! А если это заказуха? Если это прикормыш Фельдмана? Представляешь, как они все будут над тобой ржать?

– Плевать. На Фельдмана, на всех остальных. Я сыграл грязно, Элла права. Репутация важнее.

– Ну о’кей, хозяин – барин. – Власов поднял руки. – Если тебе нужна репутация сосунка…

– Закрыли тему.

Несмотря на долгий рабочий день и разборки с Ритой, Матвей ещё долго не мог уснуть. Внутри ворочалось нечто похожее на совесть. Соломатин привык гордиться собой – и быть предметом гордости для окружающих. То, что происходило с ним теперь, ему отчаянно не нравилось. Вроде Костик озвучивал примерно то, что думал и сам Матвей. И насчёт того, что Гинзбурга надо

наказать. И насчёт того, что бабы обнаглели. Но когда Соломатин слышал собственные мысли со стороны, они вдруг начинали ему казаться уродливыми и бредовыми. Как будто смотрел на себя в кривое зеркало. И теперь, лежа без сна в чужой квартире и пялясь в потолок, Матвей сомневался, правильно ли поступил с Ритой. Может, не стоило отшивать её так резко? Сгладить разрыв? И этот Гинзбург… Ведь не было откровенной лжи или клеветы. Может, человек верит в свои идеалы и просто наивно мечтает спасти бездомных собак и старинное здание? И не понимает, что происходит на самом деле? Может, Матвей взял и пинком под зад уволил честного журналиста? Таким себе Соломатин определённо не нравился.

И когда утром телефон пиликнул сообщением от Эллы, Матвей был точно уверен: он найдёт способ исправить хотя бы одну свою ошибку. «Минаев Павел Павлович, 12:30» – гласило послание PR-директора. И Соломатин не собирался опаздывать.

Глава 6

Лайком по совести

– И почему вы решили сменить сферу деятельности? – Аделина Викторовна Бельская закинула ногу на ногу и сложила руки на коленях с видом заправского психоаналитика.

От собеседований Лера явно отвыкла.

– Ну, это ведь по-прежнему журналистика… – выдала она, изо всех сил стараясь придать голосу достоверность.

– Неубедительно, – качнула головой главред «Gloss’a». – То есть да, это правда. Но ты так явно не считаешь.

Лера замялась. Врать она не привыкла, но здесь было не то место и не то время, чтобы рубить правду о своих убеждениях. И как люди вообще получают работу, которая им против шерсти? Кто-то ведь идёт вкалывать официантом или

шпалоукладчиком, потому что нет денег на гречку. Вряд ли они убедительно рассказывают о том, что всю жизнь мечтали о такой должности!

– Мне очень нужна эта работа, – выдала Лера единственную честную фразу, которую могла озвучить.

– Но ты бы предпочла, чтобы у тебя был другой вариант? – Бельская прищурилась.

Ну зачем она так? Ищет повод для отказа? Развлекается? Хочет поиздеваться? Может, как и Настя, она всю жизнь ждала возможности позлорадствовать над серьёзным журналистом? Вроде «ты, может, и умнее, зато работы у тебя нет»? Да на здоровье! Пусть хоть одна из них получит удовлетворение от этой встречи.

– Да, – спокойно кивнула Лера. – Но больше меня нигде не берут.

Вот, пожалуйста. Теперь можно смеяться и источать сарказм, мстительность и скепсис. Однако Аделина почему-то не сделала ни того, ни другого, а продолжала внимательно изучать Леру.

– Я рада, что ты не стала юлить, – сказала наконец глава журнала. – Я ценю в людях честность. Не скрою, у меня очередь из тех, кто мечтает здесь работать. Кто собирал все выпуски «Gloss», кто грезит миром моды и красоты.

– Знаю, – кивнула Лера. – Но всё равно спасибо, что уделили мне время… – Она уже привстала, чтобы уйти, но Аделина подняла руку, жестом заставив Леру снова сесть.

– Я не закончила, – сухо сказала Бельская, выгнув бровь, и Лера опять почувствовала себя ученицей католической школы. – Я знаю таких, как ты. Считаешь, что женские издания – для глупых куриц, которые, кроме маникюра, ни о чём думать не способны. Политика, экономика, социальная сфера – это да. Это серьёзно. А последние прыщи и первые морщины – для дурочек.

Лера молчала. Что-то ей подсказывало, что шанс у неё ещё есть и терять его из-за одного короткого «да» не стоит.

Аделина взяла со стола ручку и принялась задумчиво вертеть её в руках.

– Я была такой же, – вдруг сообщила Бельская. – Ну, может, чуть менее мужеподобной… Но в целом я тебя понимаю. В девяностые во время путча я размахивала светлыми идеалами на баррикадах.

– Вы?.. – выдохнула Лера. Воображение услужливо рисовало элегантную дамочку на каблуках с бейсбольной битой среди спецназовцев. И картинка плохо укладывалась в голове.

– Я. Я была в оппозиции, я ратовала за смену власти, я писала обличительные материалы и помогала свергнуть высокопоставленных воров. Было дело.

– И как же тогда… – Лера запнулась, подбирая деликатную формулировку, но Аделина считала посыл без лишних слов.

– Как я дошла до жизни такой? – горько усмехнулась она. – Мне понадобился не один год, чтобы осознать, как сильно я ошибалась. Свободы слова не существует. Ни в России, ни в любой другой стране. Нельзя делать ставки на политиков. Они всего лишь люди, а для людей власть – наркотик. И под опиумной волной идеалы плавятся, гнутся, искажаются, как часы на картинах Дали. Всё меняется, и вот ты уже никому не нужный журналистик, который выполнил свою работу. Тебя отшвыривают скомканным фантиком и продолжают большую игру.

– Но почему «Gloss»?..

– Знаешь, как бы женщины ни рвали лифчики за свои права, политика останется миром мужчин. И те редкие феминистки, которые пробиваются туда, на самом деле просто превращаются в мужиков. Я поняла, что невозможно изменить пирамиду сверху. Ты только переставляешь флажок на пике, а надо перестраивать кладку. Начинать с кирпичей.

– Менять самих людей? Мышление?

– Именно. Слышала такую фразу: «Рука, качающая колыбель, правит миром?»

– Пословица, кажется.

– Она самая. – Аделина кивнула и склонила голову набок, улыбаясь, как Джоконда. – Ты знала, что женщины читают гораздо больше? Что больше половины аудитории почти любого телеканала – женщины? Пресса, соцсети? Шестьдесят процентов минимум. А теперь скажи, кто воспитывает новое поколение? Кто учит новых людей, что такое хорошо и что такое плохо?

– Женщины, но…

– Без но, Валерия. «Gloss» учит свободе изнутри. Мы говорим правду, и здесь никто не затыкает нам рот, потому что для политиков мы – всего лишь журнал о помаде и сумочках. Они думают, что если в статье нет имени президента, значит, она неважна и бесполезна. Но при всём внешнем лоске мы копаем глубже. Мы учим женщин, что они заслуживают счастья и независимости. Что можно жить так, как хочется, вместо того, чтобы посвятить себя борщам и уборке. Что красота нужна только нам – для себя, не для кого-то другого. Что у нас есть потребности, о которых говорить не стыдно. И даже важно. Что мы можем диктовать свои правила и говорить «нет», когда считаем нужным. Из мелочей, Валерия, вырастает настоящая свобода.

И снова Лера не находила слов. Звучало, конечно, красиво. Но как-то слабо тянуло на правду. Гламур – и глубокие идеалы? Вот уж вряд ли.

– Ты мне не веришь, – усмехнулась Бельская. – Я тоже не сразу к этому пришла. Подумай вот о чём: ты считаешь себя самобытной, прямой и независимой? На самом деле ты просто переняла мужской тип поведения. Прогнулась на начальном этапе, приняла их правила, чтобы тебя взяли в игру. Ну что, понравилось? С тобой никто не церемонился. И где ты оказалась? Соломатин нокаутировал тебя в первом же раунде.

– Откуда вы?..

– Я же говорю: навела справки. А теперь послушай, что я тебе предложу. Ты выложишься в «Gloss». Без дураков, без халтуры и снисходительности. Без вот этого «этим курицам всё равно, что читать». Я хочу, чтобы ты показала мне, как работает настоящий журналист. Отнеслась к работе серьёзно. Я дам тебе испытательный срок. И если ты пройдёшь его достойно, я помогу тебе.

– В каком смысле? – насторожилась Лера.

– С Соломатиным. Мы разместим твою историю в журнале. Расскажем о дискриминации, о собаках. О том, как ведёт себя «завидный жених». Ты выйдешь на второй раунд, но уже по-женски. И посмотришь, как работает наша аудитория. По рукам?

Лера не знала, радоваться ей или бежать, как от свидетелей Иеговы. Аделина Бельская была определённо гениальным оратором. Но даже она не смогла бы заставить Леру вот так по щелчку пальцев сменить все убеждения. Переодеться в юбку и кинуться обниматься с сёстрами по разуму. И всё же идея отомстить Матвею Соломатину звучала так соблазнительно, что перевешивала всё остальное. Поэтому Лера подняла подбородок и посмотрела в глаза своему новому шефу.

– Я никогда не халтурю, – искренне сказала Лера. – Если берусь за работу, выполняю её до конца. Дайте мне шанс, и я это докажу.

– Именно это я и хотела услышать. – Аделина встала и протянула руку Лере. – Завтра в десять летучка, не опаздывай. И имей в виду: здесь, в «Gloss», своих не бросают.

Когда Лера появилась в приёмной, Настя Тихонова была похожа на привидение. Распахнутые от ужаса глаза казались огромными на бледном лице, а искусанные губы – кровавыми. Лера понимала, что довела ни в чём не повинную девушку до такого состояния, и ощутила довольно болезненный укол совести. То ли сработала речь Бельской, то ли сказался стресс от собеседования, но Лера вдруг осознала: когда-то Настя очень постаралась, чтобы получить эту работу. И если Аделина продержала Тихонову под боком столько лет, если ещё и прислушалась к мнению по поводу новой сотрудницы, Настя как минимум заслуживала уважения. Пожалуй, было слишком грубо смеяться над женскими журналами на каждой встрече выпускников… По крайней мере, на первый взгляд «Gloss» не был похож на клуб по интересам, где все радостно шушукаются, пьют смузи и левой пяткой пишут про макияж.

Чем дольше Лера смотрела на Тихонову, тем сильнее кусалось чувство стыда.

– Всё плохо, да? – испуганно прошептала Настя. – Ты ей наговорила про куриц? Боже, как я теперь посмотрю ей в глаза…

– Все ещё хуже, – улыбнулась Лера. – Теперь нам обеим как-то придётся смотреть ей в глаза каждый день.

– То есть…

– Ага. Меня взяли.

Лера ожидала чего угодно, но не оглушительного писка, который обрушился на её барабанные перепонки в следующую секунду.

– Мамочки! – верещала Тихонова, стискивая Леру в удушающих объятиях.

– Я что-то пропустила, и сюда приехал Джастин Бибер? – прохрипела Лера, хватая ртом воздух.

– Мы будем работать вместе! А-а-а! Как клёво! Когда тебе сказали выходить?

– Завтра… – Лера отстранилась и потёрла шею. – На летучку…

– Супер! Пошли, покажу тебе рабочее место. Будем сидеть рядышком…

Настя походила на девочку, которой подарили говорящую куклу. Или на участницу «Фабрики звёзд», которая прошла в следующий тур. Словом, теперь совесть нападала на Леру с новой силой.

Только этим утром Настя Тихонова выслушала в свой адрес Лерины фирменные снобистские гадости. Обиделась, как и полагается нормальному человеку. Но день ещё не подошёл к концу, а она уже радуется от мысли, что будет работать с Лерой бок о бок! Да никого и никогда в жизни ещё не радовала эта мысль! Оператор Дима вспоминал мать каждый раз, когда они с Валерой отправлялись на съёмки очередного сюжета. Пал Палыч при каждом появлении Леры выглядел так, будто у него случился приступ подагры. А Настя – рада! Как будто это не на ней великая Гинзбург упражнялась в сарказме все эти годы!..

Лера ощутила острую необходимость сделать Тихоновой что-то приятное. На бутылку «Асти» денег бы не хватило, да и вообще женский алкоголизм – страшное дело. Комплименты в сознании Гинзбург занимали соседнее место с ядерной физикой. То есть Лера признавала их существование, но чисто теоретически. Не знала ни деталей, ни законов, ни как вообще эта штука работает. Поэтому прибегла к единственному подвластному способу приободрить человека: признать его авторитет.

– Мне нужен твой совет, – выдала Лера, когда Настя сделала паузу в своей восторженной экскурсии по офису.

– Тебе… что?! – Тихонова округлила глаза, словно Лера только что произнесла заклинание из «Гарри Поттера».

– Твой совет, – скрепя сердце повторила Лера. – Ну, как тут всё устроено… Как себя вести… И вообще…

– О-о-о… – Настя явно торжествовала. – Подожди, у меня полчаса ещё до конца рабочего дня. Я закончу материал, и перекусим где-нибудь.

Очередные посиделки в Лерины планы не входили, но ведь надо же было как-то реабилитироваться перед Настей! Поэтому она терпеливо выжидала в фойе, от скуки листая свежий выпуск «Gloss».

Чтение оказалось неожиданным. Нет, сначала, конечно, попадались сплошь реклама косметики, шмоток и опусы в духе «секрет идеальных стрелок». Но вдруг взгляд зацепился за громкое название: «Сексуальная агрессия на работе. Что делать?» Лера сама не заметила, как проглотила первый абзац, потом второй – и вот уже углубилась в текст, забыв про время и планы на вечер.

Автор статьи, некто Мария Абрамова, писала хлёстко, ярко и умно. Рассказывала истории женщин, которые страдали от приставаний и дискриминации, о тех, кто нашёл в себе смелость написать заявление и дойти до суда. Учила, как вести себя правильно, доказывала, что внешний вид женщины не оправдывает насильника.

«В Штатах словами sexual harassment можно напугать любого работодателя до инфаркта. Многим кажется, что западная кадровая политика доходит до

абсурда: мужчины боятся остаться наедине с женщинами в копировальной комнате, избегают пошлых анекдотов, любых двусмысленностей, тщательно подбирают каждое слово. Лишь бы не получить обвинение. Не дай бог у кого-то на переговорах дёрнется глаз! Сразу начнутся оправдания, что это не флирт и он не намекал ни на что подобное. Смешно? Нет, если вспомнить, что за этим стоят тысячи случаев насилия и сотни судебных процессов. Ведь не каждая найдёт в себе смелость открыто заявить о том, что до неё домогались. Пересказать унизительную историю полиции, следователям, судье… Снова и снова переживая один и тот же кошмар. Но это единственное, что можно сделать.

Многим до сих пор стыдно. Да, есть и страх потерять работу. Но стыд сильнее. Словно подсознательно наши женщины чувствуют на себе вину за произошедшее. Кажется, отчасти она лежит на нас».

Лера читала, и у неё перехватывало дыхание. Вспомнилась школа, май перед выпускным. Хвост по физике, чтоб её. Лера пришла на пересдачу чуть раньше, приоткрыла дверь и увидела, как Демидов лапает Катю Полянину. Их школьный учитель: маленький плюгавый мужичонка с гнусавым голосом. Вроде ничего такого, просто гладил Катин живот, но этот страх в её глазах! Лера тогда громко постучала, толкнула дверь, и Демидов отпрянул. Повёл себя так, как будто ничего и не было. Но ведь было! И Лера, разумеется, собиралась обо всём рассказать директору, родителям, завучу… Всем! А Катя бежала за ней, размазывая по щекам слёзы и прерывисто шептала, умоляла никому не говорить.

– Меня мама убьёт! Ты не понимаешь… Убьёт! Папа… Папа пойдёт в органы, будет скандал… Пожалуйста, не надо! Он ведь ничего такого не сделал!

Катю было жалко, и Лера смолчала. Возможно, отчасти поэтому она стала Валерой, своим парнем в берцах. Ни один Демидов не осмелился бы вытирать об неё свои потные ладошки. Но испуганное лицо Кати до сих пор стояло перед глазами. Тогда Лера не соврала – но и не сказала правду. Смолчала. И теперь, читая статью, остро чувствовала свою вину.

Может, Бельская не так уж перегибает палку со своим пафосом? Может, даже женские журналы несут в мир что-то важное… И не зря Лера оказалась на этой работе?..

– Ну, идём? – Бодрый голос Тихоновой вытолкнул из размышлений.

– А? – Лера осоловело моргнула.

– Зачиталась, да?

И хотелось бы отрицать очевидное, но великая Гинзбург не умела врать. Поэтому просто молча кивнула.

– Ладно, пошли, – улыбнулась Тихонова. – Расскажу тебе всё про «Gloss» и подготовлю к завтрашней летучке.

Глава 7

С лайком – в самое пекло

Первая мысль Леры при виде переговорной была: «Нет. Я не справлюсь».

Такой концентрации эстрогена на квадратный сантиметр Лера ещё не встречала. Запах духов и почему-то детской присыпки, громкий многоголосый щебет, как в питомнике волнистых попугайчиков, и эти взгляды. Любопытные, изучающие, осуждающие, настороженные… Наверное, как-то так чувствовали себя в Средние века люди, которых водили по мостовым в кандалах. Нет, сегодня в Леру никто не плюнул, но отчего-то ей казалось, что вполне мог бы.

Великая Гинзбург за всю свою бурную жизнь так и не узнала, что такое смущение. До сего момента. Не боялась профессоров на экзаменах, врачей на диспансеризации, чиновников на интервью. Пробивалась локтями, говорила громко, высоко задирала подбородок. Сейчас же вдруг захотелось взять большой бумажный пакет, вырезать дырки для глаз – и бочком, бочком, по стеночке.

– О, Лера! Привет! – Настя Тихонова замахала рукой. – Пролезай, я заняла тебе местечко.

Всё стихло – но только для того, чтобы через секунду вопросительный артобстрел обрушился на Леру с удвоенной силой.

– Тоже с журфака, да?

– Вау! Первый канал в наших краях?

– В горячих точках была?

– А это пиджак из старой коллекции «Marks & Spencer»?

– А правда, что ты никогда не надевала каблуки?

– Боже, какие кудри! Химия?

– А Соломатин в жизни такой же секси?

Господи, про Соломатина-то они откуда узнали?! Тихонова постаралась? Лера чувствовала себя малолетней мамашей на вечернем ток-шоу родного канала. А ведь со стороны всё выглядело не так страшно…

– А Аделина уже говорила, в какую рубрику тебя поставит?

– Ты ведь не собираешься проситься в спортивную? Даже не думай!

– А ты когда-нибудь выщипывала брови?

Спокойно, Гинзбург. Это временная мера. Несколько крутых статей, месть Соломатину, и можно жить дальше.

Лёгкий сквозняк и флёр «Шанель» возвестил о прибытии шефа, и, к вящему облегчению Леры, воцарилась тишина. Зашуршали распечатки, скрипнули кресла – и в блаженном всеобщем молчании процокали по переговорной изящные красные каблуки.

– Доброе утро, девочки. – Бельская опустилась в белое дизайнерское кресло, достала очки и обвела взглядом присутствующих. – Валерия, рада тебя видеть. Думаю, все уже в курсе, что наш дружный коллектив пополнился на одну творческую единицу. Как всегда, «Gloss» открывает двери только лучшим.

Лера почти слышала, как вертятся в красивых головках шестерёнки нехороших мыслей. Конкуренток никто не любит. И всё же она нашла в себе силы изобразить улыбку и приветственно махнуть рукой.

– Я долго думала, что тебе поручить, – невозмутимо продолжала Аделина. – И решила, что нам как раз не хватает свежего взгляда на отношения.

На отно… Что? Которые любовные? Может, стоило подумать чуть подольше и понять, что Лера знает о войне полов чуть меньше, чем ничего?

– Ты у нас девушка прогрессивная. – Тонкая бровь Бельской саркастично взметнулась вверх. – Давай охватим знакомства в Сети.

– Аделина Викторовна, – раздался с противоположного конца стола робкий голосок. – В прошлом марте была статья «С первого лайка…».

– Хочешь сказать, Усольцева, что я не помню статьи из своего журнала?

– Нет, просто…

– Итак, Валерия. Мне нужен свежий взгляд, острый язык и ценная информация. Самые последние веяния из сферы онлайн-знакомств. Есть идеи?

Лера будто очутилась в самом страшном сне, где её вызывают к доске, а она понятия не имеет, о чём вообще был вопрос, что за предмет и кто преподаватель.

– Ну… Можно попробовать… – Она прочистила горло. – Например, рассказать реальные истории из жизни разных женщин… Могу поискать в Сети людей, опросить…

– Банально, – отрезала Бельская. – Ещё?

– Хорошо, тогда… Типичные ошибки. В заполнении профиля или в общении… Правила безопасности переписки…

– Чуть лучше, но это тоже было.

– А если…

– Это не называлось бы летучкой, если бы мы ждали, пока каждую из нас озарит. – Голос Аделины прямо-таки звенел от неодобрения. – До конца дня жду от тебя пять… Нет, десять рабочих идей. Идём дальше…

Лера сглотнула, старательно разглядывая карандаш. Твердость – HB, сделано в Чехии, маленькая вмятина на ластике… Чёрт, да что это вообще сейчас было?! Зачем брать человека на работу, если всё, что он говорит, – бред и банальщина?! Чего Бельская ожидала? Что в Лере вдруг откроется талант писать про бабские хитрости? Как найти миллионера в интернете и женить его на себе за пять сообщений? Даже на телевидении давали время подумать, а там совсем другие дедлайны! Это вам не тонкая книжица раз в месяц, а шесть-семь скандальных расследований каждую неделю!

– Злишься? – Настя догнала Леру после планёрки почти у самого рабочего стола.

– С чего бы? Нет, если она меня наняла, чтобы унизить, то всё по плану!

– Слушай, она иногда бывает… – Тихонова предусмотрительно оглянулась по сторонам и понизила голос: – Немного стервой, но…

– Немного?!

– Тише! – испуганно зашептала Настя. – Тут полно болтливых! Она кажется жёсткой, но на самом деле она умнейшая женщина из всех, кого я знаю!

– Тогда зачем была нужна эта показательная порка? Чтобы поставить меня на место?

– Ну, давай начистоту: ведь не самые блестящие твои идеи…

– Ясное дело! Я же тоже не Эйнштейн, чтобы выродить вам тут сенсацию за две секунды!

– Тише, говорю же. Она просто дала тебе лёгкого пинка для ускорения. Сядь, сосредоточься – и выдашь ей такие идеи, что на следующей летучке тебе будут петь дифирамбы.

– Она ведь ни к кому другому так не докапывалась!

– Считай, школа молодого бойца. – Настя улыбнулась.

А, теперь всё стало на свои места. Не просто так Тихонова торжествовала, когда Леру взяли в «Gloss». Знала, что будут все эти вакцины от репортёрской гордости. А может, это вообще был сговор? Мол, покажем этим снобам-телевизионщикам, как тяжело живётся труженикам глянца! Как же верно говорят про тихий омут!

– Да не переживай ты, всё у тебя получится! – Настя хлопнула Леру по плечу, заговорщически подмигнула и исчезла за своей перегородкой.

Чем дольше Лера сидела над пустым блокнотом, тем сильнее она убеждалась в обратном. Ластик на кончике карандаша покрылся десятком новых вмятин, а гениальных идей не то что не рождалось, даже о зачатии речи не было. Хотя в мозг великую Гинзбург поимели знатно.

Что, в конце концов, она может рассказать миру об отношениях? Свободный художник и гитарист из рок-группы, о которой давно никто не помнит. Быстрые жадные поцелуи среди тряпок, пропитанных скипидаром, и не менее быстрый перепихон в комнатке, где хранятся усилители. Две истории длиной в без году неделю, которых не хватит даже на абзац. И которые уж точно не связаны с интернетом и новыми технологиями. Что греха таить, у Леры не было ни странички в соцсетях, ни блога, ни единого завалящего аккаунта на сайте знакомств.

Пришлось позорно гуглить, как вообще современная публика находит себе половинку. Ну не чувствовала Лера потребности искать кого-то, чтобы сначала долго и усердно изображать из себя феечку на свидании, а потом врать о том, что секс был великолепен. Да и есть ли на свете хоть один человек, который

реально так считает? Или вся эта эротика в искусстве создаётся только для того, чтобы люди вообще не перестали размножаться? Ведь нет ничего прекрасного в неловкостях, чужих запахах, хлюпанье, шлепках и прочих мелких неприличностях, из-за которых обычно выключают свет… Есть только мужики с потребностями и женщины с мечтами, что однажды и у них будет как у Колина Ферта вон в том фильме.

Бельская хочет, чтобы Лера подошла к вопросу со всей серьёзностью? О’кей. Можно попробовать провести статистический анализ. Выбрать несколько порталов и одно приложение. Посмотреть, кто там обитает: по возрасту, образованию, национальности. Наверняка есть нюансы в зависимости от сайта. Рассказать читателям, кого там реально встретить, а кого можно даже не искать. Сводный анализ. Можно изучить удобство интерфейса. Опять же безопасность – а почему нет?

Или вот ещё. Если журнал читают женщины, значит, надо плясать от их интересов. А им надо что? Найти приличного мужика и замуж. Правда, насколько Лера помнила истории своих однокурсниц, с приличными у всех было туго. Ну тянет девушек к плохишам. Сознательно или подсознательно. Значит, хорошо бы поработать за них: сделать выборку из пятидесяти, к примеру, адекватных, расспросить, чего они ждут от девушки в интернете. Что хотят видеть в переписке, на аватарке. Что им нужно, чтобы позвать девушку на свидание с букетом и прочей ерундой.

Накатав приблизительный список вариантов с подробностями, чтобы выглядело внушительнее, Лера направилась к Бельской.

Из-за матовой стеклянной двери доносился хрипловатый голос Эдит Пиаф, и когда на тихий предупредительный стук никто не отозвался, Лера толкнула ручку. Акула глянца раскачивалась в кресле, прикрыв глаза и пуская в воздух облака ментолового дыма.

– Аделина Викторовна…

Появление посторонних застало Бельскую врасплох. Она вздрогнула, выпрямилась, как школьница, которую застукали за гаражами, и спешно погасила тонкую сигарету.

– Валерия… – выдохнула Аделина и покачала головой. – На будущее – лучше заранее предупреждать о приходе. И давай это останется между нами? Все эти антитабачные законы…

– Да не вопрос, – дёрнула плечом Гинзбург. Маленький изъян сделал начальницу человечнее, и утренняя злость рассеялась вместе с остатками дыма. – Если хотите, можете называть меня Валера…

– Зачем? – удивилась Бельская. – У тебя прекрасное женское имя, зачем же я буду приделывать к нему вытянутые треники и пивной живот? Ну что, поработала над идеями?

– Есть такое. – Лера протянула Аделине исписанные листы. – Набросала кое-что…

Бельская выключила музыку, водрузила очки на кончик носа и пробежала взглядом по списку. Лера молча ждала комментариев. Вроде «вот с этим можно поработать, эту тему стоит ещё развить, а здесь мимо…» Словом, была готова к критике и замечаниям, но уж точно не к тому, что произошло в следующее мгновение.

Аделина отбросила бумажки, посмотрела на Леру поверх очков и изрекла сухо и коротко:

– Не пойдёт.

От неожиданности Лера не сразу пришла в себя. Вот так просто «не пойдёт»?!

– Но… Я ведь… Это всё, что можно написать про интернет-знакомства… Тут на диссертацию хватит!

– Вот именно что на диссертацию. Когда люди покупают «Gloss», они меньше всего рассчитывают на диссертацию.

– Но вы же просили меня подойти к работе со всей серьёзностью!

– Я просила относиться к ней серьёзно. Без снисходительности и снобизма. А ты что делаешь? – Аделина откинулась на спинку кресла.

– Что?

– Ты думаешь про себя: «Так, и что было бы интересно этим дурочкам? Как выйти замуж? Как захомутать миллионера или иностранца? Нате, получите!»

– Но разве вы не про целевую аудиторию говорили на летучке? – Лера с трудом приходила в себя от растерянности. Вроде и на одном языке изъяснялись, а ощущение было тоже, как если бы Бельская распиналась тут на суахили. Ни единого зерна логики и здравого смысла.

– Я хочу, чтобы ты написала то, что интересно тебе.

Мозг Леры застопорился окончательно и отключился. Маленькая искра гнева начала тлеть где-то глубоко внутри, и с каждым вдохом разгоралась всё сильнее и сильнее, пока наконец великая Гинзбург не почувствовала себя готовой к огнеметанию.

– Я понятия не имею, как знакомиться в интернете! – выпалила она. – Как, зачем, почему и кому это вообще надо! Я не в курсе, что писать незнакомым мужчинам! И что это за флирт без личного общения! И при всём при этом всегда остаётся риск напороться на самого настоящего насильника или извращенца! Тогда зачем изобретать приложение? Как вообще можно говорить о любви после пары слов?!

– Вот! – Бельская довольно улыбнулась. – Именно этого я от тебя ждала.

– Чего?

– Здоровой журналистской злости. Всё это… – Аделина ткнула красным ногтем в список Леры, – …всё это ничего не значит без личного интереса. А мне нужен живой материал. Твоё настоящее искреннее и честное мнение, даже если оно будет вот таким резким. Но! Это мнение должно опираться на опыт.

– Постойте, – Лера непонимающе мотнула головой, – вы хотите, чтобы я сама зарегистрировалась на сайте или в приложении?

– Именно! Мне нужен письменный репортаж! Окунись в материал с головой! – Бельская возбуждённо подалась вперёд. – И даже лучше, что ты не слишком искушена в этом вопросе. Можно сказать, чистый лист. Значит, начнёшь с азов. Увидишь то, чего не замечают остальные.

– Так бы сразу и сказали…

– Нет, – с насмешкой отозвалась Аделина, – мне было нужно, чтобы ты разозлилась как следует. В таком градусе получаются самые лучшие статьи.

Лера не знала, что ответить на такие чудачества, поэтому сдержанно кивнула, развернулась и двинулась на выход. Только в самый последний момент задержалась у двери.

– Аделина Викторовна, – Лера обернулась, – а можно я буду использовать псевдоним?

– Как тебе будет угодно. Надеюсь, теперь ты готова приступить к работе?

О, да. Великая Гинзбург была готова. Первое и последнее в жизни селфи – и некая Лера Иванова, любительница книг, фильмов, путешествий и свиданий, пополнила многомиллионные ряды пользователей «свайпера».

Глава 8

Лайком кашу не испортишь

В кабинете Минаева пахло чесноком и вчерашней футболкой. Ясно было, что человек на работе живёт. Несмотря на отталкивающую внешность, шеф-редактор программы «Гражданское слово» Матвею импонировал. Как, в общем, и всякий, кто умеет целиком отдаваться любимому делу.

Голова Минаева походила на гладкий морской камешек. То ли высокий лоб, то ли низкая лысина… Словом, волосы в такой стрессовой обстановке задерживаться не стали. И Матвей невольно пригладил собственную шевелюру – хорошо бы, ему

с вечной рабочей нервотрёпкой сохранить скальп от посторонних взглядов.

– Добрый день, я – Матвей Соломатин, мой PR-директор назначила встречу…

Павел Павлович коротко посмотрел на посетителя, неопределённо кивнул и указал на свободное кресло. Этой секунды Матвею было достаточно, чтобы прочувствовать правоту Эллы: одно увольнение – и у «Соло Инвест» появились враги в «Останкино».

Нет, в открытую Минаев не проявил агрессии или чего-то подобного. Но Матвей достаточно общался с людьми, чтобы мгновенно ощутить, как сгустился воздух в тесном, немного неряшливом кабинете.

– Я хотел обсудить увольнение вашего сотрудника. – Соломатин опустился в кресло и посмотрел Минаеву в глаза: – Гинзбурга.

– Кажется, тут обсуждать больше нечего. Вы добились, чего хотели, разве нет? – Минаев промокнул верхнюю губу и потянул за узел галстука.

– Видите ли, произошло недоразумение. – Матвей терпеть не мог оправдываться. – И я считаю, что Гинзбург пострадал незаслуженно.

– Недоразумение – это когда вы в магазине попросили булочку с корицей, а вам дали с маком. Увольнение человека – чуть другая история.

– Я знаю, что не нравлюсь вам. И прекрасно понимаю почему. Но поверьте, я пришел сюда, чтобы всё исправить.

– И как вы себе это представляете?

– Я готов лично поговорить с Гинзбургом. Объясниться. Возможно, принести извинения, если выяснится, что тот сюжет – его личная инициатива.

Минаев изумлённо округлил глаза, а потом вдруг расхохотался.

– Вы нашли изящный способ всё исправить, – выдавил он, утирая слёзы. – Приходите, намекаете, что мой сотрудник работал по заказу… Слушайте,

господин Соломатин…

– Можно просто Матвей.

– Господин Соломатин, – с нажимом повторил Минаев. – Возможно, у вас и есть связи с моим начальством. Но я не собираюсь унижаться, доказывая что-то. Гинзбург… Один из лучших репортёров, чтобы вы понимали.

– Тогда давайте восстановим его в должности! Но прежде я бы хотел лично поговорить и убедиться…

– Я не думаю, что вас станут слушать. Мне можете говорить что угодно. Меня, если честно, мало интересует история с особняком. А для моего сотрудника эти сто собак значили много. И Гинзбург не из тех, кто пойдёт на сделку с совестью. Вопреки всем предрассудкам о журналистах.

– Да не предлагаю я никого подкупать! – Матвей стремительно терял терпение. Вот так всегда: хочешь поступить правильно, самому же будет хуже! – Я хотел честно и открыто объяснить всё тет-а-тет. Не играть в испорченный телефон, а…

– Разве вы не для этого сегодня пойдёте на ток-шоу?

– Его назначили без меня! – Матвей понял, что заговорил слишком громко, и медленно выдохнул, чтобы вернуться в дипломатическое русло. – Я не собираюсь перекладывать вину за увольнение Гинзбурга на кого-то. Это мой поступок, и я сам хотел бы его исправить. Я выступаю за чистые деловые отношения. За открытость и легитимность. И хотел бы сам следовать собственным принципам. Как видите, не всегда получается.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Тигр – символ спортивных команд Пристонского университета (прим. авт.).

2

Возрадуемся… (лат.) – студенческий гимн.

Купить: https://tellnovel.com/ru/soyfer_dar-ya/layki-vmesto-cvetov

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить